БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
1920
27

1719

Теорія трудовой стоимости и нѣкоторые изъ ея критиковъ.

ров 38

Съ легкой руки Бернштейна у насъ появилось множество возраженій противъ теоріи Маркса, направленныхъ то противъ тѣхъ или другихъ его экономическихъ построеній, то противъ построеній соціологическихъ. Хотя возраженія эти крайне разнообразны по содержанію, но они по большей части сходны въ томъ отношеніи, что уклоняются отъ единственно-научной точки зрѣнія, которой придерживался Марксъ и которая сводится къ тому, что, для изученія вліянія извѣстнаго явленія на другія явленія опредѣленнаго порядка, мысленно или фактически устраняется вліяніе на нихъ всѣхъ остальныхъ воздѣйствующихъ явленій. Затѣмъ, по мѣрѣ изученія вліянія каждаго, поочередно изучаютъ совмѣстное вліяніе двухъ, трехъ и т. д. явленій на всѣ остальныя. Такой порядокъ изученія вліянія отдѣльныхъ явленій на остальныя даетъ возможность опредѣлить, такъ сказать, удѣльный вѣсъ, относительное значеніе каждаго изъ нихъ, а также то направленіе, которое они придаютъ ходу всего явленія: одни—ускоряя его, другія—задерживая, третьи—отклоняя въ ту или другую сторону.

Не имѣя намѣренія перебирать всѣ возраженія, сдѣланныя противъ теоріи Маркса, въ настоящей статьѣ остановимся только на нѣкоторыхъ изъ нихъ.

I.

Съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ сталъ сознательно относиться къ общественнымъ явленіямъ, его не переставалъ интересовать вопросъ о тѣхъ факторахъ, которые лежатъ въ основѣ общественныхъ отношеній и общественной дѣятельности, о томъ, чѣмъ эти отношенія и эта дѣятельность опредѣляются. Въ отвѣтахъ на этотъ вопросъ каждый мыслитель былъ ограниченъ, какъ и во всѣхъ своихъ сужденіяхъ, предѣлами знанія своего времени. Не

заходя назадъ далѣе прошлаго вѣка, припомнимъ, что въ началѣ его изъ всѣхъ наукъ наиболѣе были развиты математика, астрономія, механика, что химія только что зарождалась, точно также какъ біологія: что изъ общественныхъ наукъ только для одной политической экономіи было положено основаніе

Сообразно этому, первый по времени мыслитель прошлаго вѣка, занимавшійся этимъ предметомъ, Огюстъ Контъ, на вопросъ, чѣмъ опредѣляются общественныя отношенія, отвѣтилъ своей „соціальной физикой", въ которой онъ представлялъ общество въ видѣ огромнаго механизма, состоящаго изъ отдѣльныхъ человѣческихъ существъ, дѣйствія которыхъ подчиняются строго механическимъ законамъ Онъ пытался изобразить „человѣческія существа и соединенія ихъ въ общества въ видѣ частей, входящихъ въ части соціальнаго механизма" *) Ад. Кетлэ придерживался такого же взгляда.

Точка зрѣнія этихъ ученыхъ можетъ быть объяснена какъ реакція противъ договорной теоріи общества Гоббса, Руссо и другихъ, пытавшихся объяснить закономѣрность сложившихся общественныхъ отношеній общественнымъ договоромъ и этимъ самымъ предполагавшихъ отсутствіе закономѣрныхъ отношеній лю-

---

*) Albion Small: «The scope of sociology». гл VII, въ «American Journal of Sociology», January, 1901. Chicago стр 491.—Это относится не къ одной только соціологіи Возрожденіе изученія физическихъ явленій подъ вліяніемъ работъ Галилея и его учениковъ въ XVII столѣтіи оказало очень замѣтное вліяніе на новое направленіе при изученіи физіологическихъ явленій. Приложеніемъ физическихъ законовъ къ задачамъ физіологіи занялся Борелли, профессоръ математики въ Пизѣ (1608—1679 гг.) Въ своемъ знаменитомъ трудѣ «De motu animalium» онъ не только объясняетъ при помощи математики мускульный механизмъ стоянія. хожденія, бѣга и всякаго движенія вообще; онъ не только пытается разрѣшить сущность мускульнаго движенія при помощи механическихъ методовъ, но опредѣляетъ силу мускуловъ и сердца, показываетъ, какимъ образомъ упругость артерій способствуетъ протоку черезъ нихъ крови и т. д; мало того, даже нервныя явленія онъ объясняетъ колебаніями, передаваемыми жидкостью Съ этой же точки зрѣнія онъ разсматриваетъ также зарожденіе и питаніе какъ растеній, такъ и животныхъ, а также даже сущность многихъ болѣзней. (Срав. M. Foster: «Lectures on the History of Physiology during the 16. 17 and 18-th Centuries. Cambridge 1901). Какъ на представителя механической теоріи общества, укажемъ на Кетлэ, который въ своемъ трудѣ «Sur l'homme et le développement de ses facultés ou Essai de Physique sociale» (Bruxelles, 1836 II, pp. 340—341), напримѣръ, говоритъ. «Такъ какъ ежегодно совершаемыя преступленія являются, повидимому, необходимымъ слѣдствіемъ нашей общественной организаціи, такъ что число ихъ не можетъ уменьшиться безъ предварительнаго измѣненія причинъ, ихъ вызвавшихъ,—то дѣло законодателей познать эти причины и по мѣрѣ возможности устранить ихъ Въ ихъ власти опредѣлить бюджетъ преступленій, подобно тому какъ они опредѣляютъ величину государственныхъ доходовъ и расходовъ. Дѣйствительность съ полною очевидностью показываетъ, какъ бы это парадоксально на первый взглядъ ни казалось, что *преступленіе подготовляется обществомъ, и что преступникъ является только орудіемъ, которое ею совершаетъ*» (курсивъ Кетлэ)

дей между собою въ ихъ „естественномъ состояніи“ (Срав. A. H. Lloyd: The organic theory of society, Chicago, 1901). Они не видѣли, что закономѣрность есть слѣдствіе того, что и общественныя явленія, воспроизводимыя при одинаковыхъ условіяхъ, ведутъ къ одинаковымъ результатамъ.

Затѣмъ, когда стали развиваться біологическія науки, появился цѣлый рядъ соціологовъ (Спенсеръ, Лилиенфельдъ, Шефле, Гальтонъ и др.), которые видѣли въ общественныхъ отношеніяхъ людей между собою связь болѣе тѣсную, а не просто механическую. Общество не механизмъ, говорили они Общество—живое существо, организмъ. Общественный организмъ развивается не механически, а, какъ всякій живой организмъ, ассимиляціей, усвоеніемъ и спеціализаціей отдѣльныхъ органовъ и ихъ отправленій. Эта точка зрѣнія отражала также на себѣ переживаемый въ то время моментъ экономическаго развитія: быстрый ростъ капитализма и сопровождающее его развитіе общественнаго дѣленія труда.

Органическая точка зрѣнія всетаки была шагомъ впередъ сравнительно съ чисто механической. Сложность общественныхъ отношеній и тѣсная связь ихъ отдѣльныхъ частей между собою была понята несравненно полнѣе, чѣмъ въ то время, когда ихъ разсматривали съ контовской, механической точки зрѣнія. Но и она не выдерживаетъ критики.

Органическая жизнь не можетъ быть объяснена простою игрою однѣхъ механическихъ и химическихъ силъ, проявленіе которыхъ мы наблюдаемъ въ неорганизованныхъ тѣлахъ; такъ какъ большее усложненіе строенія тѣлъ подразумѣваетъ большую затрату энергіи, а слѣдовательно, и большее усложненіе ея проявленія. Поэтому возникновеніе, развитіе, воспроизведеніе организмовъ предполагаетъ такое сложное взаимодѣйствіе энергіи и вещества, сочетаніе котораго возможно только въ такихъ сложныхъ тѣлахъ, какъ организмы, сложныхъ по сравненію съ неорганизованными тѣлами. Усложненіе сочетанія матеріальныхъ веществъ сопровождается, слѣдовательно, усложненіемъ сочетанія и большей затратой энергіи: одно обусловливаетъ другое, безъ послѣдняго невозможно первое.

Такъ вотъ, подобно тому, какъ объясненія органической жизни надо искать не только въ игрѣ простыхъ механическихъ и химическихъ силъ, но въ проявленіи ихъ, обусловленномъ ея специфическими особенностями, въ ней самой,—точно также объясненія явленій общественной жизни, которая основывается не на непосредственномъ механическомъ воздѣйствіи отдѣльныхъ членовъ общества одного на другого, какъ это еще можно представить относительно частей живого организма, а на посредственномъ, при помощи психической дѣятельности, усложненной разнообразіемъ взаимныхъ отношеній однихъ членовъ общества къ

другимъ, борьбою интересовъ отдѣльныхъ членовъ общества и отдѣльныхъ общественныхъ группъ,—объясненія всего этого, повторяемъ, надо искать не только въ игрѣ механическихъ и въ усложненномъ ихъ видѣ біологическихъ силъ, но въ томъ, еще болѣе осложненномъ цѣломъ, которое мы называемъ обществомъ, въ немъ самомъ, въ проявленіи его специфическихъ особенностей.

Объясненіе развитія живыхъ организмовъ Дарвинъ, величайшій натуралистъ прошлаго вѣка, видитъ въ выживаніи наиболѣе приспособленныхъ къ борьбѣ ихъ за собственное существованіе; а такое приспособленіе къ борьбѣ можетъ возникнуть лишь вслѣдствіе пластичности веществъ, изъ которыхъ состоятъ организмы, вслѣдствіе особенностей строенія этихъ веществъ. Соціологи, придерживающіеся органической теоріи общества, перенесли цѣликомъ эту точку зрѣнія на развитіе общественныхъ отношеній. Хотя въ извѣстныхъ случаяхъ можно подмѣтить нѣкоторую аналогію въ этомъ отношеніи въ борьбѣ классовъ между собою, въ соперничествѣ индивидовъ въ предѣлахъ одного класса и т. п., но ее нельзя провести достаточно далеко. Любопытно, что противъ этой точки зрѣнія возсталъ, въ числѣ другихъ, именно біологъ, Рэ Ланкестеръ, одинъ изъ талантливѣйшихъ англійскихъ профессоровъ (между прочимъ, одинъ изъ друзей Маркса).

Возражая Карлу Пирсону *), одному изъ крайнихъ приверженцевъ органической теоріи общества, Рэ Ланкестеръ говоритъ, что Пирсонъ правъ, когда утверждаетъ, что нація, стремящаяся развиваться, должна состоять не только изъ физически развитыхъ лицъ, съ сильной мускулатурой, но также и изъ лицъ, развитыхъ умственно, съ сильно развитымъ мозгомъ, и что достигнуть этого можно правильно поставленнымъ упражненіемъ дѣятельности мозга, обученіемъ. Онъ правъ, когда указываетъ на то, что законы наслѣдственности, относящіеся къ человѣку, имѣютъ такую же силу, какъ и тѣ, которые относятся къ фермерскому скоту или къ голубямъ, между тѣмъ современная цивилизація искусственно устраняетъ или ослабляетъ естественный подборъ, по которому въ необщественныхъ организмахъ особи, качественно низшія, не имѣютъ возможности выйти побѣдителями въ борьбѣ за существованіе и это препятствуетъ распложенію такихъ качественно низшихъ особей. Пирсонъ правъ, когда указываетъ на отсутствіе такого сдерживающаго вліянія въ людскихъ обществахъ, гдѣ накопленное богатство даетъ возможность тѣмъ, кто его наслѣдуетъ, производить и выращивать большія семейства, независимо отъ качества наслѣдниковъ. Не надо къ тому же забывать, что выживаніе наиболѣе приспособленнаго не значитъ всегда выживаніе наилучшаго, въ смыслѣ высшаго организма; въ общественной,

*) Karl Pearson: National Life from the Standpoint of Science (London, 1901).

напримѣръ, средѣ это значитъ выживаніе организма, дурного или хорошаго, находящагося въ наиболѣе благопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ, а не внутреннихъ, присущихъ данному организму.

Къ этому можно еще прибавить, съ одной стороны, искусственный подборъ, понижающій средній уровень физическаго развитія индивидовъ, именно военный подборъ. А съ другой—искусственный подборъ, понижающій средній уровень умственнаго и духовнаго развитія личностей, вслѣдствіе устраненія или преслѣдованія обществомъ индивидуальностей, слишкомъ подымающихся надъ этимъ среднимъ уровнемъ. Укажемъ для иллюстраціи на лермонтовскаго „Пророка“ или на щедринскую „Торжествующую свинью“ *)

Но представители органической теоріи совершенно не правы, когда утверждаютъ, какъ Пирсонъ, что борьба между великими цивилизованными націями изъ-за обладанія землями, или изъ-за промышленнаго преобладанія и т. п. есть необходимое условіе, движущая сила человѣческаго прогресса. „Такая зависимость прогресса,—говоритъ Пирсонъ,—отъ выживанія болѣе способной расы искупаетъ ужасы борьбы за существованіе... И если когда нибудь мечъ будетъ перекованъ въ плугъ, то вѣрьте мнѣ, что съ этого времени поступательный ходъ развитія человѣчества остановится“...

Вотъ противъ этого то утвержденія сторонниковъ органической теоріи и возсталъ проф. Рэ Ланкестеръ. Онъ настаиваетъ на томъ, что наука рѣшительно не даетъ точки опоры для такого утвержденія. Онъ говоритъ, что Пирсонъ долженъ былъ бы показать, въ чемъ именно заключается аналогія между борьбою за существованіе безчисленныхъ особей въ каждомъ поколѣніи не общественныхъ видовъ и соперничествомъ большихъ народностей или великихъ человѣческихъ расъ. Въ первомъ случаѣ мы находимъ постоянно неисчислимое количество болѣе или менѣе отличающихся одна отъ другой особей и безжалостное истребленіе всѣхъ, за исключеніемъ немногихъ избранныхъ. Во второмъ случаѣ нѣтъ значительной разницы между соперничествующими на данной площади; при томъ общество, менѣе успѣшное въ борьбѣ, не уничтожается и не прекращается возможность дальнѣйшаго воспроизведенія индивидовъ, составляющихъ его... Нельзя про-

*) «Social mis-selection which hinder the survival of the best breed of men may in the course of centuries weaken character .. The prophet is frowned upon and the enthusiast discouraged Dogma and ritual grow rank .. From the whole mass of beliefs there splits of a body of accredited beliefs which comes to constitute «orthodoxy». Heresy is dreaded and banned. Conformity becomes a more radiant virtue, dissent a blacker sin .. Classicism lords in the scools. Experiments are frowned on and a pedagogical orthodoxy arises... The freedom of teaching is restricted»... (Ed Ross, профессоръ станфордскаго университета въ Калифорніи: «Social control», 1901, глава XX, стр 551—552).

вести строгую аналогію между общественными животными и человѣческимъ обществомъ. Одна колонія муравьевъ можетъ совершенно уничтожить другую; одинъ улей пчелъ или осъ можетъ совершенно истребить сосѣдній. Но въ борьбѣ человѣческихъ обществъ въ наши дни побѣдители поглощаютъ, а не уничтожаютъ своихъ соперниковъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда расы сколько-нибудь однородны. Въ наши дни борьба происходитъ изъ-за преобладанія особой формы политической организаціи, а не съ цѣлью истребленія или выживанія рода Затѣмъ, повидимому, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что отвлеченіе энергіи и средствъ народа на веденіе войны и агрессивную борьбу не только не способствуетъ, но, напротивъ того, препятствуетъ тому прогрессу человѣчества, который состоитъ въ появленіи блестящихъ личностей, осчастливливающихъ свой народъ великими открытіями въ наукѣ, великими произведеніями искусства.. Происхожденія той игры природы, которая выразилась въ созданіи человѣческаго мозга, извѣстнаго намъ какъ Шекспиръ, Ньютонъ, Рафаель, Моцартъ, несомнѣнно нельзя искать въ борьбѣ ихъ соотечественниковъ изъ за земли или изъ-за торговыхъ интересовъ. Появленіе ихъ и имъ подобныхъ, повидимому, было возможно только при томъ условіи, когда ихъ собственныя силы и мысли, а также силы и мысли сосѣднихъ народностей были мало отвлечены на дѣло защиты и нападенія.

Такимъ образомъ, механическая и органическая теоріи общества не выдерживаютъ критики. Въ каждомъ порядкѣ явленій дѣйствуютъ опредѣленныя силы, все болѣе и болѣе усложняющіяся, по мѣрѣ того какъ мы переходимъ отъ міра неорганической природы къ міру природы органической и затѣмъ къ міру общественныхъ явленій. Чѣмъ выше мы поднимаемся по этой лѣстницѣ, тѣмъ болѣе и болѣе эти силы усложняются и обнаруживаются лишь при наличности извѣстнаго сочетанія очень сложныхъ условій. Поэтому никогда нельзя прилагать извѣстные законы, которымъ подчиняются явленія низшаго порядка, для полнаго объясненія явленій высшаго порядка... Какъ бы полно ни было наше знаніе функцій организма, оно, однако, не можетъ намъ дать объясненія соціальныхъ явленій, относящихся къ человѣку, какъ существу общественному. Мы повсюду видимъ, что свойства цѣлаго отличны отъ свойства отдѣльныхъ факторовъ, составляющихъ это цѣлое.

Слѣдовательно, движущую силу даннаго порядка явленій надо искать въ сочетаніи силъ низшаго порядка явленій съ силами, свойственными именно изучаемому высшему порядку явленій. Всякая теорія общества, соціальная теорія, которая не считается съ этими условіями, осуждена заранѣе.

Но для того, чтобы доискаться, въ чемъ заключается движущая сила даннаго порядка явленій, надо предварительно познакомиться

и привести въ какую-нибудь систему этотъ порядокъ явленій, классифицировать данныя явленія по какимъ нибудь признакамъ. Собираніе фактовъ общественныхъ явленій, между прочимъ, приверженцами механической и органической теорій общества, и ихъ классификація въ продолженіе первой половины прошлаго вѣка сдѣлали кое-какіе успѣхи, такъ что къ этому времени явилась возможность создать опирающуюся на нихъ соціальную теорію. Одною изъ такихъ теорій была общественная теорія Маркса, впослѣдствіи пріобрѣвшая названіе экономическаго матеріализма.

II.

Человѣкъ, будучи послѣднимъ звеномъ въ цѣпи животныхъ, какъ таковое, принужденъ для поддержанія своей жизни приспособлять находимые имъ подходящіе предметы къ потребностямъ своего существованія, или, какъ говоритъ Марксъ, трудомъ человѣка обусловливается его жизнь. Что человѣкъ для своего существованія долженъ работать, что онъ существо общественное, это основной, конечный фактъ опыта и наблюденія. Но будучи существомъ общественнымъ, онъ принужденъ сообразоваться въ своей дѣятельности, направленной къ достиженію того, безъ чего онъ не можетъ существовать, съ такою же дѣятельностью, направленной къ той же цѣли, остальныхъ членовъ той общественной группы, къ которой принадлежитъ самъ въ качествѣ сочлена. Такъ вотъ, по мнѣнію Маркса, всѣ остальныя отношенія сочленовъ даннаго общества находятся въ тѣсной зависимости отъ той формы, какую принимаетъ хозяйственная дѣятельность человѣка, т. е. та дѣятельность, которою обусловливается его жизнь какъ существа живого. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ: „Специфическая форма, въ которой неоплаченный прибавочный трудъ извлекается изъ непосредственныхъ производителей (а Марксъ уже раньше показалъ, что прибавочный продуктъ не есть исключительная принадлежность капитализма), опредѣляетъ отношеніе господства и подчиненія, какъ оно возникаетъ непосредственно изъ самаго производства, и съ своей стороны оказываетъ опредѣляющее вліяніе на послѣднее. Но на этомъ основывается все устройство хозяйственно-общественныхъ отношеній, возникающихъ изъ самыхъ отношеній производства, а поэтому вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ специфическая политическая форма. Непосредственное отношеніе въ каждый данный моментъ собственника условій производства къ непосредственнымъ производителямъ — отношеніе, каждая форма котораго по самой сущности всегда соотвѣтствуетъ опредѣленной степени развитія способовъ и пріемовъ работы, а вслѣдствіе этого ея общественной производительной силѣ—даетъ намъ ключъ къ пониманію внутренней тайны, скрытаго основанія всего обществен-

наго строенія, а слѣдовательно, для пониманія политической формы властительскихъ и подчиненныхъ отношеній,—словомъ, для пониманія каждой разъ особенностей государственныхъ формъ. Это не препятствуетъ тому, что одинаковая хозяйственная основа—одинаковая по главнѣйшимъ условіямъ—вслѣдствіе безчисленно разнообразныхъ эмпирическихъ обстоятельствъ, природныхъ условій, расовыхъ особенностей, дѣйствующихъ извнѣ историческихъ вліяній и т д, можетъ проявляться въ безчисленныхъ видоизмѣненіяхъ и переходахъ, которые можно понять не иначе, какъ только при помощи анализа такихъ эмпирически данныхъ обстоятельствъ" (Капиталъ III, 653).

Значитъ, по мнѣнію Маркса, если въ данный моментъ прибавочный трудъ извлекается изъ непосредственныхъ производителей вслѣдствіе отношеній собственника орудій производства къ непосредственному производителю, которыя называются рабовладѣльческими, т. е. если послѣдній принадлежитъ какъ вещь первому, то этими отношеніями опредѣляется соотвѣтственная имъ политическая форма Если отношенія крѣпостническія или капиталистическія, то каждымъ изъ нихъ соотвѣтствуетъ опредѣленная политическая форма.

Но Марксъ на этомъ не останавливается, онъ идетъ далѣе и выдвигаетъ слѣдующее положеніе, противъ котораго главнымъ образомъ и направлена критика его противниковъ „Совокупность такихъ производственныхъ отношеній—говоритъ онъ,—образуетъ экономическую организацію общества, реальное основаніе, на которомъ высятся правовыя и политическія надстройки и которымъ соотвѣтствуютъ опредѣленныя общественныя формы сознанія" (Капиталъ I, 44). Это значитъ, что въ рабовладѣльческомъ или крѣпостническомъ обществѣ всѣ правовыя отношенія соотвѣтствуютъ рабовладѣльческимъ или крѣпостническимъ, что вся безъ исключенія жизнь человѣка проникается насквозь и связывается этими отношеніями; всей общественной жизни, во всѣхъ ея проявленіяхъ придаютъ окраску тѣ, въ руки которыхъ попадаетъ прибавочный продуктъ, будь это рабовладѣлецъ, помѣщикъ, капиталистъ, государство. Это значитъ, что представители каждой изъ этихъ специфическихъ хозяйственныхъ формъ, въ руки которыхъ попадаетъ прибавочный продуктъ, получаютъ въ данномъ обществѣ вмѣстѣ съ экономическимъ и политическое преобладаніе, и въ свою очередь „оказываютъ опредѣляющее вліяніе" на самое производство. Но чѣмъ болѣе усложняются общественная хозяйственная жизнь, тѣмъ болѣе усложняется также и политическія и правовыя отношенія. Являются цѣлые общественные классы, въ руки которыхъ попадаетъ прибавочный продуктъ и хозяйственные интересы которыхъ нерѣдко противоположны: классъ землевладѣльцевъ, промышленный классъ, торговый классъ. Каждый изъ нихъ, поль-

зуясь тою возможностью, которую даетъ ему доля прибавочнаго продукта, попадающая ему въ руки, стремится закрѣпить эту возможность полученія прибавочнаго продукта при помощи юридической санкціи, при помощи воздѣйствія политическихъ и правовыхъ отношеній на отношенія хозяйственныя.

Затѣмъ, нравы и обычаи даннаго общества складываются подъ вліяніемъ условій повседневной жизни, которыя слагаются изъ условій жизни матеріальной, такъ что общественная нравственность, это абстрактное выраженіе существующихъ нравовъ и обычаевъ, также подчиняется условіямъ матеріальной жизни: крѣпостнической, напримѣръ, нравственностью проникается вся общественная жизнь въ обществѣ, основаніемъ котораго служитъ крѣпостничество. Каждый человѣкъ не можетъ не чувствовать постояннаго присутствія и вліянія общественной среды, въ которой, для которой и которой онъ существуетъ, и не можетъ не реагировать на ея воздѣйствія, какъ элементъ организма не можетъ не чувствовать присутствія того организма, часть котораго онъ составляетъ (Maudsley); въ особенности въ той области общественной дѣятельности, на которой основывается физическое существованіе человѣка. Эгоистическое чувство, вслѣдствіе воздѣйствія соціальной среды, развивается въ соціальное, а нравственное чувство есть результатъ развитія соціальнаго

На умственной жизни общества точно также не можетъ не отразиться вліяніе матеріальныхъ условій существованія, такъ какъ въ общемъ стремленіе къ полученію возможно большаго количества прибавочнаго продукта все болѣе и болѣе обособляетъ умственный трудъ отъ физическаго; у лицъ, производящихъ прибавочный продуктъ, остается все меньше и меньше досуга для труда умственнаго, тѣмъ болѣе, что въ значительномъ числѣ случаевъ по самому характеру труда работа рукъ и работа головы разъединяются.

Вопросъ этотъ мы затронули вслѣдствіе возникшей полемики по этому поводу, вслѣдствіе, какъ намъ кажется, невѣрнаго пониманія постановки его у Маркса, благодаря чему критики часто ломятся въ открытую дверь или недостаточно отчетливо представляютъ основныя положенія его міросозерцанія.

Марксъ прежде всего экономистъ-теоретикъ. Для выясненія вліянія каждаго экономическаго явленія на другое онъ тщательно изолируетъ его отъ вліянія всѣхъ остальныхъ, и, изучивъ вліяніе даннаго явленія, приступаетъ къ послѣдовательному изученію возможныхъ вліяній другихъ явленій, но *явленій хозяйственнаго порядка.* Особенность капиталистическаго строя каждой страны въ отдѣльности, по самому характеру поставленной имъ задачи, въ кругъ его изслѣдованія не входитъ. Хотя, какъ мы видѣли изъ цитированнаго мѣста (Капиталъ, III, 653), онъ при каждомъ удобномъ случаѣ указываетъ на то, что „одинаковая хо-

зяйственная основа—одинаковая по главнѣйшимъ условіямъ (слѣдовательно, не въ деталяхъ, не въ частностяхъ),—вслѣдствіе различныхъ эмпирическихъ обстоятельствъ, естественныхъ условій, расовыхъ особенностей, историческихъ вліяній, дѣйствующихъ извнѣ и т. п., можетъ проявиться въ безчисленныхъ видоизмѣненіяхъ и переходахъ, понять которые можно только при помощи анализа такихъ эмпирическихъ обстоятельствъ".

Отсюда видно, что Марксъ не считалъ возможнымъ, да и не могъ считать, чтобы всѣ капиталистическія общества были, такъ сказать, на одно лицо, что развитіе всѣхъ должно быть одинаково. Ужъ если невозможно появленіе двухъ физически и умственно одинаковыхъ личностей, то появленіе двухъ тожественныхъ хозяйственныхъ общественныхъ организацій, представляющихъ соединеніе лицъ съ еще менѣе сходными чертами развитія, дѣйствующихъ при условіяхъ природныхъ, исторически сложившихся и др., также совершенно различныхъ—просто немыслимо.

Между тѣмъ, когда одинъ изъ критиковъ Маркса, Герцъ, въ своихъ „Аграрныхъ вопросахъ" заговорилъ о національномъ капитализмѣ, т. е. объ индивидуальныхъ чертахъ капитализма въ данной странѣ, то это было поставлено ему въ заслугу, какъ будто онъ сдѣлалъ какое-то открытіе. Мало того, что Герцъ въ этомъ направленіи ничего не сдѣлалъ, но, пытаясь дать опредѣленіе національнаго капитализма, онъ не подвинулъ выясненія вопроса о томъ, что такое капитализмъ вообще, а по отношенію къ Марксу сдѣлалъ шагъ назадъ. Такъ, по мнѣнію Герца, капитализмъ можно было бы опредѣлить какъ производство въ крупныхъ размѣрахъ, при полной свободѣ личности и собственности, при чемъ въ рукахъ собственниковъ средствъ производства сосредоточивается политическая власть въ государствѣ, исключительно въ силу экономическаго основанія распредѣленія собственности. Но именно послѣдній моментъ, по мнѣнію Герца, долженъ бы всего болѣе подвергнуться ограниченіямъ, такъ какъ признакъ крупнаго производства не подходитъ ни къ все болѣе и болѣе распространяющейся работѣ на дому, ни къ мелкой арендѣ, которая вытѣсняетъ крупное хозяйство въ передовыхъ странахъ. Отдѣленія средствъ производства отъ рабочихъ нѣтъ, напримѣръ, ни въ кустарной промышленности, ни въ безчисленныхъ мелкихъ производствахъ, которыя находятся въ зависимости отъ крупныхъ и дополняютъ ихъ. Всѣ эти признаки, не подходящіе подъ опредѣленіе капитализма, какъ крупнаго производства, подразумѣваются тѣмъ опредѣленіемъ, которое даетъ Марксъ, когда онъ опредѣляетъ капитализмъ какъ такую специфическую хозяйственную форму, въ которой, при полной свободѣ личности, неоплаченный прибавочный трудъ извлекается изъ непосредственныхъ производителей, опредѣляя отношенія господства и подчиненія. При этомъ хозяйственная основа можетъ проявляться въ безчисленныхъ видо-

измѣненіяхъ въ зависимости отъ естественныхъ условій, расовыхъ особенностей, историческихъ вліяній и т. д. Это опредѣленіе несравненно шире, такъ какъ оно охватываетъ всѣ признаки капиталистическаго производства, не укладывающіеся въ рамки, намѣчаемыя Герцомъ. Кромѣ того, оно, при замѣнѣ одного изъ признаковъ другимъ, подходитъ подъ всякую хозяйственную форму: замѣнивъ признакъ свободы личности большею или меньшею степенью несвободы, получатся иныя хозяйственныя формы, рабовладѣльческое или крѣпостническое хозяйство. Это опредѣленіе выдвигаетъ тотъ существенный признакъ, по которому обособившаяся группа лицъ, въ руки которой попадаетъ прибавочный продуктъ, вслѣдствіе этого является господствующей и ей подчиняются остальныя группы. Если прибавочный продуктъ попадетъ въ руки по преимуществу землевладѣльцевъ, то въ ихъ рукахъ находится и политическая власть; если онъ попадаетъ въ руки государства, то политическая власть находится въ рукахъ бюрократіи, если прибавочный продуктъ попадаетъ въ руки капиталистовъ, то и политическая власть сосредоточивается въ ихъ рукахъ, при чемъ вся государственная жизнь окрашивается интересами или капиталистовъ, или землевладѣльцевъ, или бюрократіи; а въ послѣднемъ случаѣ и той общественной группы, изъ которой рекрутируется бюрократія. Въ современныхъ обществахъ нѣтъ какого-нибудь одного класса лицъ, который получалъ бы весь прибавочный продуктъ. Отъ относительной численности опредѣленнаго класса лицъ и отъ относительнаго размѣра получаемаго имъ прибавочнаго продукта зависитъ также размѣръ политическаго его вліянія.

Въ тѣсной связи съ вопросомъ о вліяніи экономики на политику находится также вопросъ о вліяніи матеріальныхъ условій существованія на правовыя отношенія. Этого вопроса, между прочимъ, коснулся В. М. Черновъ въ своихъ очень поучительныхъ статьяхъ о новѣйшихъ теченіяхъ въ сферѣ экономическихъ явленій и въ сферѣ ихъ теоретическаго объясненія *).

Онъ утверждаетъ, что между различными сторонами усложняющейся общественной жизни,—между экономикой, правомъ, наукой, религіей и пр.—существуетъ функціональная зависимость; что говорить о какомъ-то верховенствѣ котораго-нибудь изъ названныхъ факторовъ, приписывать ему первенствующую роль, значитъ идти въ дебри метафизики. По мнѣнію г. Чернова, каждый изъ этихъ факторовъ находится въ зависимости отъ остальныхъ и наоборотъ. Для поясненія онъ приводитъ примѣръ функціональнаго соотношенія площади круга и его радіуса: съ увеличеніемъ площади увеличивается и радіусъ, а съ увеличеніемъ радіуса разростается площадь.

---

*) «Типы капиталистической и аграрной эволюціи». «По поводу новой книги объ экономическомъ матеріализмѣ» («Русское Богатство», 1900).

Замѣтимъ прежде всего, что вѣдь рѣчь идетъ не о математическихъ абстракціяхъ, когда рѣшительно все равно, которую изъ двухъ наблюдаемыхъ, функціонально одна отъ другой зависимыхъ величинъ, мы будемъ произвольно измѣнять; за измѣненіемъ одной будетъ измѣняться и другая. Въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о конкретныхъ явленіяхъ.—Ну, а намъ извѣстно, или, по крайней мѣрѣ, должно быть изъ всесторонняго опыта слишкомъ хорошо извѣстно, „что въ поискахъ за опредѣленнымъ знаніемъ, которое можетъ быть провѣрено, надо остерегаться изслѣдователей, все вооруженіе которыхъ для изученія явленій заключается въ кучѣ преданій и догмъ, а также въ формальной логикѣ и бойкости пера“ (изъ рѣчи предсѣдателя съѣзда американской ассоціаціи для развитія наукъ Вудворта „Прогрессъ науки“, читанной въ Денверѣ, Колорадо, 24 августа 1901 года). А развѣ чистая математика не есть формальная логика?

Есть ли, дѣйствительно, какая-нибудь аналогія между явленіями, приводимыми г. Черновымъ? Посмотримъ на дѣло поближе. Въ примѣрѣ функціональнаго соотношенія площади круга и его радіуса мы видимъ взаимную зависимость, опредѣляемую нашей точкой зрѣнія на предметъ. Предметъ—растущій кругъ—одинъ; измѣняется точка зрѣнія, съ которой мы смотримъ на него. Если мы смотримъ съ точки зрѣнія одного изъ его признаковъ—съ точки зрѣнія радіуса,—то находимъ, что съ ростомъ послѣдняго растетъ также и площадь, и наоборотъ, если станемъ на точку зрѣнія площади круга. Словомъ, *это разныя стороны одного и того же явленія.* При этомъ не можетъ быть и рѣчи о томъ, который изъ признаковъ надо считать первичнымъ.

Такъ ли обстоитъ дѣло въ явленіяхъ такой необычайной сложности, какъ общественныя? Изъ кого состоитъ общество? Изъ живыхъ существъ, изъ людей? Что такое человѣкъ, живое существо? До нѣкоторой степени машина, для поддержанія хода которой требуется топливо, пища, какъ источникъ энергіи. Перестаньте подбрасывать топливо—машина остановится. Жизнь основывается на питаніи: нѣтъ питанія, источника энергіи—прекращается жизнь. Первичнымъ факторомъ поддержки жизни является необходимость питанія, жизнь обусловливается питаніемъ. Для пріобрѣтенія возможности существованія, жизни, требуется приспособлять предметы, находимые въ природѣ, къ потребностямъ организма, а приспособлять ихъ можно исключительно трудомъ. „Трудъ, какъ создатель вещей полезныхъ для человѣка, оказывается условіемъ существованія человѣка, независимымъ отъ какихъ-либо общественныхъ формъ, вѣчною естественною необходимостью, въ силу которой совершается обмѣнъ вещей между человѣкомъ и природою; иными словами, трудомъ обусловливается человѣческая жизнь“ (Капиталъ, I, 8). Это не есть пустая безсодержательная фраза; это, напротивъ того, самая живая, очевидная реальность.

А если это такъ, то вѣдь не менѣе реальны и дѣйствуютъ не менѣе опредѣляющимъ образомъ на другія стороны человѣческой жизни тѣ общественныя условія, при которыхъ совершается трудъ, при условіяхъ ли первобытной общинности, при рабовладѣльческихъ ли, или крѣпостныхъ отношеніяхъ, или при капиталистическихъ: окраску всей общественной жизни придаютъ тѣ, кѣмъ и при какихъ условіяхъ присвоивается прибавочный продуктъ. Если трудомъ обусловливается человѣческая жизнь, то тѣми условіями, въ которыхъ человѣкъ работаетъ, обусловливаются остальныя стороны человѣческой жизни.

Вотъ какъ изображаетъ, напримѣръ, крѣпостной бытъ его лѣтописецъ своимъ образнымъ языкомъ: „И вновь передъ моими глазами, одна за другой встаютъ картины моей молодости, картины, въ которыхъ контингентъ дѣйствующихъ лицъ въ значительной мѣрѣ наполнялся куроцапами. То было время крѣпостного права.. Были тогда куроцапы осѣдлые, которые жили въ своихъ мѣстахъ и куроцапствовали въ границахъ, указанныхъ планами генеральнаго межеванія, и были куроцапы кочующіе, облеченные довѣріемъ, которые разъѣзжали по дорогамъ и наблюдали, чтобы основы осѣдлаго куроцапства пребывали незыблемыми.. И все это счастье, всю эту сытость, миръ и благоволеніе охраняли намъ облеченные довѣріемъ куроцапы, зорко слѣдившіе за тѣмъ, чтобы Анфисушка называла насъ кормильцами, а не идолами“. Затѣмъ, въ другомъ мѣстѣ, Салтыковъ говоритъ: „Да, крѣпостное право упразднено, но еще не сказало своего послѣдняго слова... Обыкновенно, говоря о немъ, разумѣютъ только отношенія помѣщиковъ къ бывшимъ крѣпостнымъ людямъ, но тутъ только одна капля его. Эта капля слишкомъ специфически пахла, а потому и приковала исключительно къ себѣ вниманіе всѣхъ... Капля устранена, а крѣпостное право осталось. Оно разлилось въ воздухѣ, освѣтило нравы“...

Изъ этого слѣдуетъ, что взглядъ Маркса на экономику, какъ на prius общественныхъ отношеній, не такъ метафизиченъ, какъ кажется г. Чернову. Если въ примѣрѣ г. Чернова все равно, сказать ли, что, поскольку увеличивается радіусъ, увеличивается въ такомъ-то отношеніи и поверхность круга, или же сказать, что поскольку увеличивается поверхность круга, увеличивается въ такомъ-то отношеніи и радіусъ его,—то далеко не все равно, сказать ли, что поскольку измѣняется экономика, постольку измѣняются,—скажемъ,—правовыя отношенія; или сказать, что поскольку измѣняются правовыя отношенія, постольку измѣняется экономика. Точно также какъ не все равно сказать ли, что чѣмъ болѣе усиливается морозъ, тѣмъ теплѣе я одѣваюсь; или чѣмъ теплѣе я одѣваюсь, тѣмъ болѣе усиливается морозъ.

Когда Марксъ говоритъ, что „специфическая хозяйственная форма, въ которой неоплаченный прибавочный трудъ извлекается

изъ непосредственныхъ производителей, опредѣляетъ отношеніе господства и подчиненія, какъ оно возникаетъ непосредственно изъ самого производства", то непосредственно вслѣдъ за этимъ прибавляетъ: „и съ своей стороны оказываетъ опредѣляющее вліяніе на послѣднее". Слѣдовательно, первичнымъ факторомъ онъ считаетъ экономику, хотя политическія отношенія съ своей стороны воздѣйствуютъ на нее. Такъ что „послѣднею причиною" общественныхъ отношеній онъ всетаки считаетъ экономику, и эту ссылку нельзя устранить,—какъ думаетъ г. Черновъ,—простымъ замѣчаніемъ, что конечные причины суть достояніе не науки, а метафизики. Мнѣ извѣстно, что климатъ данной мѣстности обусловливается суммою солнечной теплоты, получаемой этой мѣстностью, количествомъ осадковъ, направленіемъ господствующихъ вѣтровъ и т. д. Мнѣ также извѣстно, что флора этой мѣстности зависитъ отъ климата. Но мнѣ, кромѣ того, извѣстно, что растительность, съ своей стороны, воздѣйствуетъ на климатъ, что въ мѣстностяхъ континентальныхъ большее или меньшее обезлѣсеніе воздѣйствуетъ на климатъ данной мѣстности, на влажность воздуха, на количество осадковъ и т. д. Такъ что хотя „первичною причиною" флоры данной мѣстности является климатъ, но на него, съ своей стороны, имѣетъ вліяніе „подчиненный" ему факторъ—растительность.

Но что же это за „господствующій" факторъ,—спрашиваетъ г. Черновъ,—когда онъ „подчиненъ" другому „фактору"?

Что дѣлать, какъ это ни кажется парадоксально, но это такъ. Кто говоритъ объ экономикѣ, какъ объ основаніи всѣхъ общественныхъ отношеній, тотъ прекрасно сознаетъ, что это есть лишь абстракція дѣйствительныхъ отношеній, что по мѣрѣ усложненія общественной жизни являются воздѣйствующіе на нее факторы, затемняющіе проявленіе основного. Этому можно найти аналогію въ области явленій физическихъ, при чемъ одинъ порядокъ явленій, одинъ законъ маскируется воздѣйствующими вліяніями другого порядка явленій, другого закона. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что такого закона нѣтъ: устраните воздѣйствующія вліянія на изучаемое тѣло, и вліяніе этого закона обнаружится. Законы движенія тѣлъ, законъ тяготѣнія очень часто маскируются противодѣйствующими вліяніями, и по мѣрѣ усложненія порядка явленій усложняются также и противодѣйствующія вліянія, но изъ этого еще вовсе нельзя заключить, чтобы эти законы были ошибочны. Вспомнимъ, напримѣръ, явленія такъ называемаго геотропизма, обнаруживающіяся при ростѣ опредѣленныхъ частей растеній (корней, растущихъ книзу) и уничтоженіе дѣйствія его при помощи клиностата (вращающагося аппарата, на которомъ посажено подвергающееся опыту растеніе). Что бы сказалъ г. Черновъ, если бы кто-нибудь вздумалъ аргументировать хотя бы такъ: „Господствующій факторъ, тяго-

тѣніе, самъ оказывается подчиненнымъ другому „фактору", когда, напримѣръ, желѣзная масса подымается, притягиваемая электромагнитомъ! Ну а послѣ этого какой же онъ господствующій?" Или какъ въ прежнемъ примѣрѣ: „Господствующій факторъ, климатъ, самъ оказывается подчиненнымъ другому „фактору", лѣсистости, такъ какой же онъ господствующій?".

Каждый „законъ природы" или „законъ экономическій" есть не болѣе какъ результатъ умственной операціи надъ наблюдаемыми нами фактами: объективно, независимо отъ нашего умственнаго представленія, его нѣтъ, какъ нѣтъ цвѣта, запаха и пр. Законъ тяготѣнія есть не болѣе какъ установленіе того способа, какимъ въ дѣйствительности двигаются одинъ къ другому тѣла, которымъ ничто не препятствуетъ двигаться. Но мы наблюдаемъ и другіе факты, именно, что тѣла не всегда движутся такимъ способомъ, а движутся даже въ противоположномъ направленіи, какъ это и подразумѣвается словами, что имъ ничто не препятствуетъ двигаться. Если есть законъ природы, по которому тѣла извѣстнымъ образомъ движутся одно къ другому, то есть также не менѣе вѣрный законъ природы, что если тѣла не могутъ двигаться такъ, какъ они стремятся двигаться, то это происходитъ или вслѣдствіе препятствій, или же вслѣдствіе противоположнаго импульса отъ какого-нибудь иного источника энергіи, а не того, который мы называемъ тяготѣніемъ и вслѣдствіе котораго они или останавливаются, или движутся въ противоположномъ направленіи. Желѣзо стремится упасть вслѣдствіе накопленія въ немъ потенціальной энергіи, которая, если этому ничто не препятствуетъ, обращается въ энергію движенія; при этомъ обнаруживается законъ тяготѣнія. Но опредѣленная часть мірового запаса энергіи, развиваемая электромагнитомъ, и при томъ относительно бо́льшая, затрачивается на приведеніе куска мягкаго желѣза въ такое состояніе, при которомъ другой кусокъ желѣза не падаетъ, какъ бы это было безъ такой большей затраты.

Низшій порядокъ явленій, такой, при которомъ затрачивается относительно меньшая доля міровой энергіи, всегда имѣетъ болѣе общій характеръ, чѣмъ тотъ, на который затрачивается относительно большая доля міровой энергіи. Низшій порядокъ явленій лежитъ въ основаніи, онъ болѣе „господствующій". На него можетъ воздѣйствовать другой порядокъ явленій, но для этого требуется бо́льшая затрата энергіи.

Вернемся, однако, къ непосредственно насъ занимающему вопросу и посмотримъ, какое отношеніе можетъ имѣть къ нему только что сказанное.

Никто не станетъ спорить съ тѣмъ, что дѣятельность человѣка для поддержанія своего физическаго существованія есть низшее проявленіе его дѣятельности, но при томъ такое, безъ ко-

тораго невозможно самое существованіе человѣка, а не только какая-нибудь высшая дѣятельность.

Приспособленіе предметовъ, находимыхъ въ природѣ, къ потребностямъ существованія человѣка, трудомъ, пользуясь силами природы, можно осуществить только при помощи умственной дѣятельности, при помощи наблюденія порядка явленій природы; при чемъ трудъ становится тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ больше человѣкъ пользуется силами природы для осуществленія своихъ цѣлей. Но на извѣстной ступени развитія производительности труда наступаетъ такой моментъ, когда не только обѣ стороны труда, физическій и умственный трудъ, разъединяются и становятся одинъ по отношенію къ другому во враждебныя отношенія въ самомъ производствѣ (любопытныя соображенія относительно этого въ „Капиталѣ", I, начало V отдѣла), но когда, кромѣ того, является возможность разслоенія общества въ этомъ отношеніи, обособленія функцій его, прежде слитыхъ въ одномъ и томъ же лицѣ Въ основѣ этого подраздѣленія, этого разслоенія лежитъ такая степень производительности труда, которая даетъ возможность одной части общества существовать прибавочнымъ трудомъ другой, наибольшей по численности части общества, обращая всю жизнь послѣдней въ рабочее время и отнимая у нея и досугъ, и возможность развитія высшей стороны дѣятельности человѣка— умственной, которая требуетъ высшей затраты энергіи. Экономическое подчиненіе большинства даетъ меньшинству возможность развитія высшей стороны человѣческой дѣятельности—умственной. Это обстоятельство — пользованіе прибавочнымъ трудомъ большинства и развитіе умственной дѣятельности, дающей возможность использовать естественныя и общественныя условія для личныхъ цѣлей, даетъ направленіе всей дѣятельности общества. Экономическое подчиненіе влечетъ за собою подчиненіе правовое и политическое.

„Такъ какъ основа нашей системы права, — говоритъ Менгеръ (Das bürgerliche Recht und die besitzlosen Volksklassen, въ Архивѣ Брауна, II)—покоится на обычномъ правѣ, и такъ какъ послѣднее является результатомъ успѣшной борьбы интересовъ сильныхъ противъ слабыхъ, то отъ образовавшагося такимъ образомъ правового порядка уже заранѣе только и можно ожидать, что онъ долженъ быть очень невыгоденъ для неимущихъ классовъ... Весьма естественно, что гражданское право, которое вырабатывалось въ теченіе тысячелѣтій только имущими классами, служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ ихъ интересамъ". „Законодательство,—говоритъ г-жа Ефименко,—всегда находится въ рукахъ нетрудящихся классовъ". Право собственности, завладѣніе ею, у нетрудящихся классовъ были совершенно иныя: наслѣдованіе, захватъ, напримѣръ, военной добычи; но главнымъ образомъ право собственности основывалось у нихъ на владѣніи самой

Бр... Комм... Акад...

рабочей силой или въ видѣ раба, или крѣпостного, или наемнаго рабочаго, т. е. на захватѣ прибавочнаго труда. „Законодательство закрѣпило существовавшія жизненныя отношенія, юридическая теорія дала имъ высшую научную санкцію... Давленіе высшихъ слоевъ на низшіе въ Западной Европѣ было такъ велико, что успѣло задавить въ нихъ зачатки тѣхъ юридическихъ воззрѣній, которыя были имъ естественно присущи, какъ трудящимся. Помогло уничтоженію этихъ воззрѣній и дальнѣйшее развитіе экономическаго строя, которое отторгло крестьянина отъ земли, трудящагося отъ продуктовъ его труда, сдѣлало трудъ лишь косвеннымъ, а не прямымъ, непосредственнымъ способомъ удовлетворенія потребностей трудящагося“ (Ефименко: „Обычное право“, М. 1884, стр. 167—168). То обстоятельство, что правовыя нормы являлись выраженіемъ экономическаго, а слѣдовательно, и юридическаго господства, сказалось во взглядѣ народа на законъ. Такъ, еще римляне видѣли, что inventa lege mox fraus inventa est, или, по народной поговоркѣ, гдѣ законъ, тамъ и обида; законъ, что паутина: „шмель проскочитъ, а муха увязнетъ“; „обѣщать—дѣло господское, исполнять — дѣло холопское“, буквально какъ говорятъ нѣмцы: „Geloben ist adelig, halten ist bäurisch“ (Оршанскій. Изслѣдованія, 163, 165).

Слѣдуетъ-ли изъ этого, что трудъ, которымъ обусловливается человѣческая жизнь, и общественныя условія его осуществленія, экономика—есть единственный факторъ общественнаго развитія? Конечно, нѣтъ. Дѣятельность всего общества прежде всего направлена на поддержаніе существованія его членовъ, но при этомъ оно при опредѣленныхъ условіяхъ распадается на два слоя. Одинъ — сравнительно незначительный по численности, но вслѣдствіе сосредоточенія въ его рукахъ или средствъ производства, или прибавочнаго продукта, имѣетъ преобладающее вліяніе на направленія всѣхъ отраслей общественной дѣятельности. Въ его рукахъ сосредоточивается власть политическая, которая даетъ возможность формировать правовыя отношенія и воздѣйствовать на отношенія хозяйственныя. Въ предѣлахъ этого же слоя сосредоточивается также вся умственная жизнь общества. Интересы этого слоя, вслѣдствіе его происхожденія, чисто индивидуалистическіе, которые и кладутъ отпечатокъ на весь общественный строй. Эти интересы, стало быть, прямо противоположны интересамъ всего общества взятаго въ цѣломъ.

Другой слой, численность котораго при наличныхъ хозяйственныхъ общественныхъ условіяхъ возрастаетъ неимовѣрно; слой, матеріальныя условія существованія котораго *вслѣдствіе однихъ лишь экономическихъ причинъ* имѣютъ стремленіе къ ухудшенію; слой, отдѣльные члены котораго во многихъ случаяхъ оказываются при данныхъ условіяхъ лишними; слой этотъ, будучи не фикціей, а совокупностью живыхъ людей, одаренныхъ спо-

собностью воспріятія жизненныхъ уроковъ, а при помощи организованнаго знанія пріобрѣтающихъ способность и умѣнье претворить въ жизнь то, что способствуетъ развитію жизни, и устранить то, что препятствуетъ ея развитію,—этотъ слой, какъ таковой, можетъ имѣть цѣлью только такое развитіе общественныхъ производительныхъ силъ, при которомъ и пользованіе этимъ развитіемъ было бы общественнымъ. Поэтому онъ является представителемъ общественныхъ интересовъ, такъ какъ его интересы совпадаютъ съ интересами всего общества.

Тотъ процессъ обособленія умственнаго труда отъ труда физическаго, который намѣченъ Марксомъ, идетъ дальше. По мѣрѣ развитія успѣшности труда возникаетъ все большая и большая возможность для дальнѣйшаго общественнаго обособленія; возникаетъ возможность выдѣленія части прибавочнаго продукта для поддержанія существованія лицъ, не имѣющихъ непосредственнаго отношенія къ производству: напримѣръ, для поддержанія существованія лицъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточивается не управленіе производствомъ продуктовъ для удовлетворенія физическихъ потребностей, а общественное управленіе, наблюденіе за правильностью хода сложившихся общественныхъ отношеній; затѣмъ для поддержанія существованія лицъ, изучающихъ окружающую насъ среду, какъ природную, такъ и общественную, а также такихъ лицъ, миссія которыхъ заключается въ распространеніи пріобрѣтенныхъ знаній и т. д.

Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ развитіемъ производительности труда, между двумя основными общественными слоями возникаютъ и развиваются множество относительно мелкихъ общественныхъ наслоеній, интересы которыхъ болѣе или менѣе связаны съ интересами одного изъ двухъ главныхъ слоевъ, по преимуществу съ интересами менѣе многочисленнаго, но болѣе вліятельнаго. Но, развиваясь численно, многіе изъ мелкихъ наслоеній пріобрѣтаютъ нѣкоторую долю самостоятельнаго существованія, въ томъ смыслѣ, что перестаютъ находиться въ непосредственной зависимости отъ лицъ, въ руки которыхъ поступаетъ прибавочный продуктъ; они перестаютъ отождествлять свои интересы съ интересами послѣднихъ, начинаютъ относиться болѣе или менѣе объективно къ глухой борьбѣ между двумя главными общественными подраздѣленіями, такъ что, при обсужденіи какихъ-нибудь соціальныхъ вопросовъ между двумя крупными общественными слоями, и ихъ голосъ пріобрѣтаетъ значеніе, иногда даже рѣшающее, тѣмъ болѣе, что и тотъ слой, въ руки котораго попадаетъ прибавочный продуктъ, не однороденъ и интересы его членовъ далеко не всегда солидарны, какъ, напримѣръ, интересы землевладѣльцевъ и буржуазіи; къ тому же и послѣдняя по своему составу не однородна: интересы торговаго класса нерѣдко противорѣчатъ интересамъ класса промышленнаго

и т. д. Стоитъ только вспомнить, при какихъ условіяхъ во Франціи въ ночь на 4 августа 1789 года пали феодальныя привилегіи, при какихъ условіяхъ въ Англіи прошелъ 10-часовой биль и т. п.

Но какъ бы такія мелкія общественныя наслоенія ни обособились, все же для лицъ, ихъ составляющихъ, самымъ основнымъ вопросомъ является вопросъ матеріальнаго существованія, и отъ того или другого рѣшенія этого вопроса зависитъ вся дѣятельность этихъ лицъ.

Во всякомъ случаѣ высшее проявленіе человѣческой дѣятельности сосредоточивается въ нѣкоторыхъ такихъ промежуточныхъ общественныхъ наслоеніяхъ и уже изъ нихъ распространяется и въ ту, и въ другую сторону.

На ихъ умственную дѣятельность затрачивается несравненно больше энергіи и она, съ своей стороны, служитъ закваской для развитія умственной дѣятельности широкихъ общественныхъ слоевъ; безъ умственной дѣятельности первыхъ была бы или совсѣмъ невозможна широкая умственная дѣятельность послѣднихъ, или она бы шла несравненно медленнѣе.

Слѣдовательно и въ этомъ случаѣ надо признать, что хотя въ основѣ человѣческой дѣятельности находятся матеріальныя условія существованія, но на нихъ постоянно воздѣйствуетъ высшая умственная дѣятельность, такъ какъ только она одна можетъ повліять на пробужденіе общественнаго самосознанія и на развитіе самопознанія и познанія окружающей природы.

Изъ этого видно, что, съ одной стороны, вся общественная жизнь окрашивается тѣми условіями, при которыхъ совершается трудъ, необходимый для поддержанія существованія человѣка, и на которыя рѣшающее вліяніе оказываютъ тѣ классы, въ руки которыхъ попадаетъ прибавочный продуктъ; но что, съ другой стороны, въ нѣдрахъ самого даннаго общества, кромѣ двухъ главныхъ общественныхъ классовъ, — класса трудящихся и класса тѣхъ, въ руки которыхъ попадаетъ прибавочный продуктъ—возникаютъ новыя общественныя наслоенія, подъ давленіемъ которыхъ, отчасти непосредственнымъ, а отчасти косвеннымъ, чашки вѣсовъ наклоняются въ сторону класса не экономически болѣе сильнаго, а въ сторону того, интересы и стремленія котораго болѣе отвѣчаютъ интересамъ развитія всего общества. И происходитъ это въ тѣ моменты общественнаго развитія, когда противообщественное направленіе начинаетъ съ особенною силою угрожать поступательному ходу общественнаге развитія.

Вотъ почему, когда идетъ рѣчь объ общественныхъ преобразованіяхъ, слѣдуетъ, думается, говорить не исключительно о классовой дѣятельности, а о дѣятельности общества, не упуская, конечно, изъ вида указанное расчлененіе всего общества на отдѣльныя наслоенія, такъ какъ поступательный ходъ обществен-

наго развитія осуществляется въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ не исключительно однимъ какимъ-нибудь общественнымъ слоемъ, а каждый разъ вмѣстѣ съ нимъ цѣлымъ рядомъ отдѣльныхъ общественныхъ наслоеній. Отдѣльные общественные классы могутъ пріобрѣсти сознаніе солидарности своихъ интересовъ только при посредствѣ умственной дѣятельности, при помощи сознательнаго пониманія окружающаго. Но для борьбы противъ неблагопріятныхъ общественныхъ условій этого мало. Для дѣйствительнаго пониманія общественной жизни и для борьбы противъ неблагопріятныхъ условій ея требуется изученіе не одной лишь внѣшней связи общественныхъ явленій, но и болѣе глубокой внутренней связи. А это подразумѣваетъ огромную умственную работу на сопоставленіе разныхъ общественныхъ явленій, повидимому, ничего не имѣющихъ между собою общаго, на приведеніе ихъ въ причинную связь. Обнаруженіе этой связи дѣло далеко не легкое и оно дается очень немногимъ Но разъ эта связь обнаружена, разъ установлено, что сочетаніе такихъ то и такихъ то общественныхъ явленій ведетъ къ тому то, порядокъ ихъ опредѣленъ,— уже не представляетъ особеннаго труда людямъ, хотя сколько-нибудь подготовленнымъ, понять значеніе этого открытія и, сообразуясь съ нимъ, дѣйствовать.

Надо ли приводить примѣры? Вспомнимъ хотя бы, что въ Германіи, гдѣ рабочая партія организована какъ нигдѣ, она организовалась не собственными силами, программа ея общественно-политической дѣятельности составлена опять-таки не ею самою, что безъ бурной агитаторской дѣятельности такого выдающагося ученаго и оратора, какъ Лассаль, будившаго своими горячими рѣчами общественные инстинкты рабочихъ, едва-ли мы видѣли бы ее такою, какою видимъ въ настоящее время. А кто былъ Лассаль? Сынъ богатаго купца. Затѣмъ, по его смерти, кто игралъ наиболѣе дѣятельную роль, кто указывалъ рабочимъ путь для практической общественной дѣятельности, сообразно слагавшимся общественнымъ условіямъ? Марксъ и Энгельсъ. А кто такой Энгельсъ? Фабрикантъ. Кто былъ у нихъ правою рукою въ Германіи? Unser Wilhelm, какъ они его называли, т.-е. Либкнехтъ. Но вѣдь это все руководители. Есть руководители несомнѣнно и изъ числа рабочихъ, стоящіе очень высоко, какъ, напримѣръ, Бебель; но ихъ сравнительно очень и очень немного, и при томъ вѣдь и они тоже самостоятельно занимались изученіемъ внутренней связи между общественными явленіями. Около нихъ группировались частью извѣстныя, а въ большинствѣ случаевъ совершенно неизвѣстныя лица, стоявшія внѣ круга рабочихъ, и такъ или иначе дѣйствовавшія въ томъ же направленіи. Говоримъ дѣйствовавшія; но еще несравненно бо́льшее число лицъ, стоявшихъ внѣ круга боровшихся партій, разработывали тѣ же общественные вопросы, которые тѣ стремились разрѣшить практически, и

этимъ формировали общественное мнѣніе, т.-е. мнѣніе тѣхъ общественныхъ слоевъ, которые не заинтересованы лично въ томъ или иномъ разрѣшеніи вопроса. А давленіе общественнаго мнѣнія расчищало путь для поступательнаго хода общественнаго развитія.

Въ томъ, а не иномъ рѣшеніи даннаго вопроса заинтересованы не однѣ только борющіяся стороны, а все „общество". Большинство общества заинтересовано именно въ такомъ рѣшеніи вопроса, которое способствовало бы общественному развитію. Если такому рѣшенію кто и противодѣйствуетъ, то именно отдѣльные общественные классы. сильные не численностью, не идейностью, а своимъ общественно-экономическимъ положеніемъ, какъ представители индивидуалистическихъ интересовъ, тормозящіе поступательный ходъ общественаго развитія.

Такимъ образомъ, хотя поступательный ходъ общественнаго движенія основывается на борьбѣ отдѣльныхъ общественныхъ классовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ классовое самосознаніе достигается далеко не одною самодѣятельностью непосредственно заинтересованныхъ сторонъ. „Идея рабочаго сословія" открывается и провозглашается не изъ его среды, а лицами, принадлежащими или къ нейтральнымъ общественнымъ наслоеніямъ, или даже къ господствующему классу. Къ этой идеѣ примыкаютъ, усваиваютъ ее и проводятъ въ жизнь не одни только рабочіе, а также лица и цѣлыя общественныя наслоенія, интересы которыхъ непосредственно не связаны съ этою „идеею", но въ претвореніи которой въ жизнь они видятъ залогъ *общественнаго* развитія.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, думается, надо признать за несомнѣнный фактъ, что отъ условій, при которыхъ совершается трудъ, находятся въ полной зависимости остальныя стороны общественной жизни, такъ какъ вѣдь именно трудомъ обусловливается сама человѣческая жизнь. Хотя другія стороны общественной жизни, въ свою очередь, воздѣйствуютъ на экономическія условія, но такое воздѣйствіе можетъ происходить только вслѣдствіе бо́льшей затраты энергіи, превращенія ея, если можно такъ выразиться, въ энергію высшаго порядка, обнаруженіе которой можетъ воздѣйствовать на проявленіе энергіи низшаго порядка. Такое воздѣйствіе можетъ происходить въ двухъ направленіяхъ: или въ направленіи поступательнаго хода общественнаго движенія, или въ противоположномъ ему. Второе, индивидуалистическое, хотя и задерживаетъ общественное развитіе, можетъ казаться прогрессивнымъ, и только когда оно достигнетъ опредѣленной фазы, угрожающей правильному ходу всего общественнаго развитія, наступаетъ такой моментъ, когда при извѣстной степени политическаго и умственнаго развитія общества. т.-е. при болѣе значительной затратѣ энергіи, эти стороны общественной дѣятельности воздѣйствуютъ на экономическую въ на-

правленіи, способствующемъ поступательному ходу всего общества. Примѣръ: такъ называемое соціальное законодательство, которымъ нарушаются „естественные экономическіе законы".

III.

Если не согласиться съ только что изложеннымъ, въ значительной степени методологическимъ различеніемъ,—такъ какъ во всякомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ абстрактнымъ, а съ живымъ обществомъ, въ которомъ всѣ функціи находятся во взаимной зависимости, хотя нѣкоторыя изъ нихъ, какъ возникшія изъ потребностей человѣка, какъ существа живого, надо считать за основныя,—если не считаться съ этимъ, то придется признать правильность выводовъ г. Струве въ статьяхъ, въ которыхъ онъ ополчается противъ основъ экономическаго ученія Маркса.

Эти статьи, помѣщенныя въ Архивѣ Брауна, прекрасно характеризуютъ то „критическое" направленіе, которое стало обнаруживаться среди нашихъ не правовѣрныхъ „марксистовъ" за послѣднее время.

Мы не будемъ подробно разсматривать всѣ возраженія, которыя г. Струве дѣлаетъ Марксу, а укажемъ только на нѣкоторыя. Г. Струве, между прочимъ, ополчается противъ утвержденія Маркса, что поступательный ходъ развитія капиталистическаго производства неизбѣжно влечетъ за собою прогрессивное обнищаніе народныхъ массъ, что доля рабочаго въ произведенномъ имъ продуктѣ при этомъ уменьшается. Но такъ какъ,—говоритъ г. Струве,—это противорѣчитъ фактамъ, то даже правовѣрные марксисты совершенно отказались отъ такого ученія (Braun's Archiv, XIV, 693).

Такъ ли это? Дѣйствительно ли эта экономическая теорія до такой степени противорѣчитъ фактамъ, что теоретическая несостоятельность Маркса по этому вопросу стала очевидна для всѣхъ? Г. Струве смѣшиваетъ двѣ разныя стороны общественной жизни. Основную—экономическую и правовую. Развитіе капитализма имѣетъ стремленіе удлинить рабочій день, уменьшить заработную плату, увеличить напряженіе труда, т. е. увеличивая количество продуктовъ, производимыхъ въ единицу времени, уменьшить долю участія въ нихъ рабочихъ. Это „законъ" экономическій. Но общество, достаточно развитое и умственно, и политически, угрожаемое въ своихъ самыхъ насущныхъ и жизненныхъ интересахъ, главнымъ образомъ общественный слой непосредственно заинтересованный въ этомъ, пытается затормозить это попятное движеніе при помощи тѣхъ средствъ, какія у него имѣются въ рукахъ,—напр., законодательнаго вмѣшательства въ экономическія отношенія, рабочихъ организацій и т. п.,—которыя

въ значительной мѣрѣ лишились бы смысла своего существованія, если бы не было такого экономическаго „закона“ капитализма, по которому доля рабочихъ въ произведенномъ ими продуктѣ имѣетъ стремленіе къ уменьшенію.

Активное воздѣйствіе общественныхъ классовъ, на которыхъ прямо или косвенно отражаются эти экономическіе законы, угрожающіе остановкою прогрессивнаго развитія всего общества, составляетъ одну изъ основъ соціологическаго ученія Маркса; такъ что не признавать, какъ это дѣлаетъ г. Струве, одинъ рядъ явленій, принимая другія, которыя вызываются первыми, значитъ разъединять причину и слѣдствіе, значитъ, уничтоживъ основаніе, считать возможнымъ сохраненіе зданія, которое фактически на немъ покоилось.

Вѣдь ни кто другой, какъ самъ же Марксъ, указываетъ на тѣ мѣры, которыя принимаются и законодательствомъ, и самими рабочими противъ этого стремленія капитализма Надо только припомнить исторію фабричнаго законодательства, изложенную у Маркса, надо припомнить тѣ возраженія, которыя дѣлались, да и въ настоящую еще минуту дѣлаются противъ законодательнаго вмѣшательства въ свободную игру экономическихъ силъ. Вѣдь ни кто другой, какъ Марксъ, осмѣивалъ проповѣдь фабрикантами „свободы“, когда дѣло касалось ихъ договорныхъ отношеній съ рабочими. Мало того. Надо вѣдь также припомнить, какъ тотъ же Марксъ указываетъ на противодѣйствіе фабрикантовъ формированію рабочихъ союзовъ, все въ тѣхъ же соображеніяхъ, именно, что эти союзы точно также препятствуютъ чистому проявленію экономическихъ законовъ съ ихъ тенденціями. Вѣдь и теперь фабриканты стоятъ за „вольный“ трудъ противъ рабочихъ организацій. Надо припомнить, какое огромное значеніе придавалъ Марксъ фабричному законодательству, дававшему рабочимъ и досугъ, и больше матеріальныхъ средствъ для борьбы со стремленіемъ капитализма все болѣе и болѣе ограничивать долю участія рабочихъ въ производимомъ продуктѣ. Наконецъ, не слѣдуетъ также забывать критическія замѣтки Маркса на воззрѣнія Лассаля относительно „желѣзнаго закона“ заработной платы. По мнѣнію Маркса, это воззрѣніе раба, который говоритъ сословію, понявшему причину угнетающихъ его условій, что продовольствіе рабочихъ всегда должно остаться на низкомъ уровнѣ. Когда читатель все это припомнитъ, то увидитъ, что г. Струве смѣшалъ данный законъ капиталистическаго развитія съ тѣми общественными условіями, которыя противодѣйствуютъ чистому проявленію этого закона.

Затѣмъ, по мнѣнію г. Струве, понятіе о стоимости у Маркса очень неопредѣленно. „У Маркса нѣсколько понятій о стоимости, хотя онъ самъ этого и не замѣчаетъ“ (тамъ же стр. 727). „Трудовая стоимость находится въ гораздо болѣе сложномъ отношеніи

къ экономическому вопросу о томъ, что такое стоимость, чѣмъ принимаетъ Марксъ, и эта связь не минуетъ потребительной стоимости, а проходитъ черезъ нее (und dieser Zusammenhang führt nicht an den Gebrauchswerth vorbei, sondern über denselben). Стоимость неразрывно связана съ физическимъ носителемъ ея, съ продуктомъ. Слѣдовательно, стоимость въ концѣ концовъ есть всегда потребительная стоимость Создается продуктъ, а не стоимость... Критики Маркса справедливо указывали на то, что „работа животныхъ, въ томъ же смыслѣ какъ работа человѣка, создаетъ прибавочный продуктъ". Это происходитъ вслѣдствіе того, что люди „эксплуатируютъ" животныхъ. „Соотвѣтственно этому мы имѣемъ достаточныя основанія сказать, что каждая эксплуатація человѣка человѣкомъ (включая сюда и капитализмъ) заключается въ томъ, что люди обращаются съ себѣ подобными, какъ съ животными. Понятіе объ эксплуатаціи по своему содержанію заключается въ присвоеніи предметовъ, при производствѣ (или при созданіи) которыхъ содѣйствовали эксплуатируемые факторы производства (люди, лошади, машины, почвенныя силы и т. п.).. Эксплуатація въ соціальномъ смыслѣ всегда кроется въ томъ, что лица, не участвующія въ производствѣ, вслѣдствіе какого-нибудь права владѣнія присвоиваютъ продуктъ труда. Еще разъ повторяю: эксплуатируемые люди, какъ рабочая сила, ничѣмъ не отличаются отъ эксплуатируемыхъ животныхъ. Пусть мнѣ не возражаютъ, что это „этическая" точка зрѣнія: этическій моментъ не вносится субъектомъ на вещь извнѣ, онъ входитъ составною частью въ объективную сущность дѣла. Если это не такъ, то пусть мнѣ объяснятъ, чѣмъ отличается объективно эксплуатированіе лошади отъ эксплуатированія человѣка". „Что же касается до чистой трудовой теоріи стоимости Маркса, то это есть соціологическое ученіе объ эксплуатаціи, которое выступаетъ въ экономическомъ облаченіи и орудуетъ съ экономическими понятіями... Политико-экономическія соображенія у Маркса всегда отступаютъ передъ соціологическими. Примѣромъ можетъ служить подраздѣленіе капитала на постоянный и перемѣнный, въ соціологическомъ отношеніи имѣющее глубокое значеніе, но въ экономическомъ отношеніи могущее иногда ввести въ заблужденіе" (тамъ же, 728—730). Такимъ образомъ и выходитъ, по мнѣнію г. Струве, что Марксъ самъ не замѣчаетъ, что толкуетъ о разныхъ вопросахъ, когда ведетъ рѣчь о стоимости: „о соціологическомъ вопросѣ, объ эксплуатаціи вообще и о капиталистической эксплуатаціи въ частности, съ одной стороны, а съ другой—объ экономическомъ вопросѣ, о томъ, что такое стоимость и въ особенности объ обращеніи стоимости,—считая ихъ за одинъ общій вопросъ, именно за вопросъ о томъ, что такое стоимость?" (727).

Итакъ, у Маркса,—по мнѣнію г. Струве,—нѣсколько понятій о стоимости, при чемъ онъ не дѣлаетъ между ними различенія.

Понятіе экономическое и понятіе соціологическое объ эксплуатаціи онъ разсматриваетъ какъ одинъ общій вопросъ. Между тѣмъ, если говорить объ эксплуатаціи человѣка человѣкомъ, то съ совершенно одинаковымъ правомъ можно говорить объ эксплуатаціи животнаго, силъ природы человѣкомъ, такъ какъ объективно эксплуатація силъ человѣка отъ эксплуатаціи силъ природы рѣшительно ничѣмъ не отличается.

Да въ этомъ ли вопросъ? Посмотримъ на дѣло поближе.

Чѣмъ занимается политическая экономія? Опредѣленіемъ тѣхъ общественныхъ условій и отношеній, въ которыхъ совершается человѣческій трудъ, необходимый для приспособленія внѣшнихъ предметовъ къ потребностямъ человѣческаго существованія. Это наука общественная, т. е. она занимается изслѣдованіемъ отношеній между людьми, возникающихъ изъ необходимости поддержать существованіе каждаго отдѣльнаго человѣка. какъ существа живого. Размѣръ и видъ каждой изъ потребностей обусловливается, съ одной стороны, природою человѣка, какъ существа животнаго происхожденія, а съ другой—степенью производительности его труда. Удовлетворить свои потребности человѣкъ можетъ только при помощи труда, трудомъ обусловливается его жизнь. Количество каждаго рода труда обусловливается, слѣдовательно, размѣромъ каждаго рода потребности, какъ это прекрасно выяснено во много разъ цитированномъ параграфѣ I-го тома „Капитала“: „Фетишизмъ товара и его тайна“. Распредѣленіе работъ семьи, общины, цѣлаго народа по разнымъ отраслямъ промышленной дѣятельности обусловливается величиною потребности даннаго общественнаго аггрегата въ продуктѣ каждой изъ нихъ. Вмѣстѣ съ развитіемъ обмѣна продуктами отдѣльныхъ хозяйственныхъ единицъ единицею мѣры становится количество труда, потребнаго на изготовленіе всего количества каждаго изъ нихъ. Количество рабочаго времени, требуемаго для изготовленія данныхъ продуктовъ въ данномъ количествѣ въ семьѣ, общинѣ, живущей продуктами своего собственнаго труда, опредѣляется прямымъ путемъ, непосредственно. Но если продукты изготовляются для обмѣна на продукты другихъ хозяйственныхъ единицъ, то и количество ихъ, а также рабочее время, необходимое на ихъ изготовленіе, опредѣляется косвеннымъ путемъ. Тѣмъ не менѣе единицею мѣры продуктовъ при обмѣнѣ остается всетаки рабочее время, необходимое на ихъ изготовленіе въ количествѣ, потребномъ для той общественной единицы, въ предѣлахъ которой происходитъ обмѣнъ. Вотъ почему Марксъ, опредѣляя стоимость продукта рабочимъ временемъ, прибавляетъ: рабочимъ временемъ *общественно необходимымъ* на его производство. Онъ никогда не упускаетъ изъ вида, что продукты только въ томъ случаѣ будутъ покупаться, если они удовлетворяютъ какой-нибудь въ нихъ потребности, и будутъ покупаться только въ количествѣ,

опредѣляемомъ размѣромъ общественной потребности въ нихъ. Слѣдовательно, опредѣляя стоимость продукта не просто количествомъ рабочаго времени, потребнымъ на его изготовленіе, а количествомъ *общественно-необходимаго* рабочаго времени, Марксъ тѣмъ самымъ указываетъ на то, что рабочее время, потраченное каждой хозяйственной единицей, рабочими какой-нибудь фабрики, напримѣръ, при продажѣ продуктовъ этой фабрики, принимается въ разсчетъ въ такомъ количествѣ, какое тратится въ среднемъ на остальныхъ фабрикахъ той-же отрасли промышленности. Но, съ другой стороны, этимъ-же самымъ ограниченіемъ Марксъ указываетъ также на то, что данный продуктъ долженъ быть изготовленъ въ количествѣ, опредѣляемомъ размѣромъ общественной въ немъ потребности; если его будетъ изготовлено больше потребнаго, значитъ рабочее время на часть его было потрачено даромъ и при продажѣ не принимается въ разсчетъ: „поэтому, весь продуктъ продастся такъ, какъ будто онъ былъ произведенъ въ необходимомъ соотношеніи“ Это же самое опредѣленіе величины стоимости продуктовъ количествомъ общественно-необходимаго рабочаго времени подразумѣваетъ, слѣдовательно, также необходимость распредѣленія всего общественнаго производства, всего общественнаго капитала, на разныя отрасли производства, соотвѣтственно общественной потребности въ продуктѣ каждой изъ нихъ. Все это до такой степени очевидно изъ того, что говорилось въ I томѣ „Капитала“ въ параграфѣ „Фетишизмъ товара и его тайна“, что, казалось бы, не могло повести ни къ какимъ недоразумѣніямъ. Между тѣмъ ни кто другой, какъ Бернштейнъ, подобно г. Струве не „правовѣрный“, а „критическій марксистъ“, ссылаясь на указаніе Маркса (III, 525), что „трудъ распредѣляется пропорціонально, по различнымъ отраслямъ производства, соотвѣтственно количественно установленной общественной потребности“ въ продуктахъ каждой изъ нихъ, и что „условіемъ такого распредѣленія остается потребительная стоимость“ (Bernstein, Voraussetzungen, 42), стремится сблизить, какъ и г. Струве, теорію трудовой стоимости съ теоріей предѣльной полезности и видитъ въ приведенныхъ словахъ новую точку зрѣнія, не замѣчая, что все это уже подразумѣвается въ выраженіи: количество общественно-необходимаго рабочаго времени. Нечего и говорить, что сближеніе теоріи Маркса съ теоріей предѣльной полезности чисто внѣшнее: вѣдь никто и никогда не могъ отрицать, и всего менѣе Марксъ, что товаръ долженъ быть прежде всего полезною вещью. Но сама собою подразумѣваемая полезность его, по мнѣнію Маркса, не имѣетъ никакого вліянія на *мѣновую* его стоимость; послѣдняя, совершенно независимо отъ полезности его, опредѣляется исключительно количествомъ рабочаго времени общественно-необходимаго на его изготовленіе. По теоріи Маркса на изготовленіе данныхъ продуктовъ въ количествѣ, опредѣлен-

номъ общественною въ нихъ потребностью, должно быть затрачено столько рабочаго времени, изъ всего количества, которымъ располагаетъ общество, сколько требуется при данномъ развитіи производительности труда. Слѣдовательно, ученіе Маркса о трудовой стоимости не имѣетъ никакого отношенія къ соціологическому ученію объ эксплуатаціи, какъ это думаетъ г. Струве Во всѣхъ стадіяхъ общественно-хозяйственнаго развитія рабочее время данной хозяйственной единицы распредѣляется по разнымъ отраслямъ производства въ зависимости отъ потребности въ продуктахъ каждой изъ нихъ и отъ достигнутой степени производительности труда. Чѣмъ опредѣляется размѣръ потребности, это зависитъ отъ организаціи производства, отъ даннаго хозяйственнаго общественнаго строя.

Степень общественной потребности въ продуктѣ каждой изъ отраслей промышленности опредѣляется прежде всего физіологическою потребностью человѣка. Прежде всего требуется удовлетвореніе потребности въ питаніи, въ одеждѣ, въ защитѣ отъ непогоды и пр. Конечно, удовлетвореніе этихъ потребностей вызывается субъективными ощущеніями голода, холода и пр.; и оцѣнка предметовъ, какъ полезныхъ предметовъ, удовлетворяющихъ эти потребности, конечно, субъективна... Но эта субъективная оцѣнка опредѣляется объективнымъ факторомъ—производительностью труда *) Какъ бы мы высоко ни цѣнили какой-нибудь предметъ, какъ удовлетворяющій нашу наиболѣе насущную потребность, но мѣновая его стоимость, при условіи не стѣсненнаго производства его, опредѣляется не нашею субъективною его оцѣнкою, а тѣмъ количествомъ общественнаго труда, которое затрачено на его производство изъ всей суммы общественнаго труда, которымъ располагаетъ данное общество.

Для иллюстраціи сказаннаго могутъ послужить данныя, которыми мы уже не разъ пользовались, собранныя Carroll D. Wright'омъ, завѣдующимъ департаментомъ труда въ Вашингтонѣ, объ относительныхъ издержкахъ семействъ рабочихъ въ зависимости отъ получаемаго ими дохода. Мы не будемъ приводить всей таблицы, которую интересующіеся могутъ найти въ нашей статьѣ „Апологія власти денегъ, какъ признакъ времени“ („Русское Богатство“, февр. 1895), а приведемъ изъ нея только нѣсколько цифръ.

Семейство рабочаго, состоящее изъ отца, матери и до пяти дѣтей не въ рабочемъ возрастѣ, получая меньше 200 долларовъ въ годъ, тратитъ на пищу 49,64%, на одежду 12,82%, на наемъ жилья, топливо и освѣщеніе 23,56% и на всѣ остальныя потреб-

*) А не наоборотъ, какъ думаетъ г. Струве, когда по этому поводу говоритъ: «Объективное вытекаетъ въ концѣ концовъ изъ субъективнаго и можетъ быть выведено только изъ послѣдняго». (Тамъ же, стр. 727) Для пользованія благами и удобствами жизни, какъ извѣстно, одного желанія имѣть ихъ еще слишкомъ недостаточно.

ности 13,98%. А рабочая семья такого же состава, но получающая 1200 долларовъ и выше, тратитъ: на пищу только 28,63%; на одежду 15,71%; на наемъ жилья, топливо и освѣщеніе 15,61%, а на всѣ остальныя потребности 40,05%.

Допустимъ, что какая-нибудь страна, при опредѣленномъ числѣ жителей, при данной степени производительности труда, производитъ вновь всѣхъ продуктовъ 200 милліоновъ единицъ. Предположимъ, что при данной степени производительности труда, почти половина рабочихъ силъ, 49,64%, должна заниматься исключительно производствомъ пищевыхъ продуктовъ и орудій труда, требуемыхъ для ихъ производства Затѣмъ 12,82% рабочихъ силъ будетъ занято изготовленіемъ одежды и матеріаломъ для нея На приспособленія для жилья, на добываніе топлива и на изготовленіе матеріала для освѣщенія употребится 23,56% рабочихъ силъ, на удовлетвореніе всѣхъ остальныхъ потребностей останется всего 13,98% рабочихъ силъ.

Допустимъ затѣмъ, что какая нибудь другая страна, находящаяся въ тѣхъ же природныхъ условіяхъ, вмѣщающая точно такое же число населенія, но производительность труда котораго въ общемъ вшестеро выше, производитъ вновь всѣхъ продуктовъ 1200 милліоновъ единицъ. Въ такомъ случаѣ, она можетъ удѣлить на производство питательныхъ продуктовъ уже не половину своихъ рабочихъ силъ, а только 28,63%, на одежду 15,71%, на жилье и пр. 15,61%, а на всѣ остальныя потребности, которыя растутъ вмѣстѣ съ ростомъ производительности труда, уже не 13,98%, а втрое больше, 40,05%. Слѣдовательно, при этомъ возникаютъ новыя отрасли производства, которыя и удовлетворяютъ эти вновь возникшія потребности.

Это съ точки зрѣнія потребительной стоимости. Съ точки зрѣнія мѣновой стоимости эти данныя показываютъ, что такъ какъ общественно-хозяйственная дѣятельность человѣка направлена на удовлетвореніе потребностей его существованія, и такъ какъ по предположенію число членовъ общества и рабочихъ силъ въ обоихъ взятыхъ случаяхъ, при разной производительности труда, одинаково,—то, при устраненіи всѣхъ воздѣйствующихъ вліяній (а это легко представить, предположивъ, что нашъ примѣръ относится къ хозяйственной дѣятельности одного и того же общества въ разное время, напримѣръ, на разстояніи 30—40 лѣтъ), валовая *мѣновая* стоимость продуктовъ, производимыхъ въ обоихъ случаяхъ, будетъ одинакова, хотя вслѣдствіе разной производительности труда количество производимыхъ продуктовъ въ одномъ случаѣ въ шесть разъ болѣе, чѣмъ въ другомъ. И это потому, что число рабочихъ силъ, количество общественнаго рабочаго времени, необходимаго для производства всѣхъ требуемыхъ продуктовъ, опредѣляющее величину *мѣновой* стоимости, въ обоихъ случаяхъ одинаково. Одинакова та величина, которая связываетъ

всѣ рабочія силы въ одно хозяйственное цѣлое, имѣющее цѣлью удовлетвореніе потребностей человѣческаго существованія; та величина, которая служитъ общественнымъ мѣриломъ при обмѣнѣ разнородныхъ продуктовъ одного на другой: количество общественно-необходимаго рабочаго времени.

Что при равномѣрномъ увеличеніи производительности труда въ каждой изъ отраслей промышленности взаимное отношеніе обмѣниваемыхъ продуктовъ останется прежнимъ, это очевидно безъ объясненій. Измѣнится только количество предметовъ, приходящихся на единицу рабочаго времени. Останется ли прежнею относительная доля участія во вновь произведенномъ продуктѣ каждаго изъ общественныхъ классовъ, это, конечно, зависитъ отъ многихъ причинъ, изъ которыхъ, помимо чисто экономическихъ, главнѣйшая заключается въ достигнутой крѣпости организаціи и солидарности рабочаго класса.

Такимъ образомъ, вслѣдствіе того, что все общественное производство имѣетъ конечною цѣлью удовлетвореніе человѣческихъ потребностей, отъ низшихъ до высшихъ, при увеличеніи производительности труда и при неизмѣнившемся количествѣ необходимаго для этого общественнаго рабочаго времени, относительная покупательная сила этого количества также не измѣнится, измѣнится только количество продуктовъ, покупаемыхъ на единицу этого количества. Прежде въ единицу рабочаго времени вырабатывалось, скажемъ, 5 штукъ товара *a*, на который можно было купить 5 штукъ товара *b*. Теперь, въ продолженіе той же единицы рабочаго времени, одной недѣли, напримѣръ, вырабатывается уже не 5, а 35 штукъ товара *a*; товара *b* въ продолженіе той же недѣли вырабатывается также уже не 5, а 35 штукъ. То же самое относится ко всѣмъ товарамъ безъ исключенія. А такъ какъ всѣ товары имѣютъ цѣлью удовлетворить общественную въ нихъ потребность и производятся въ требуемомъ для этого количествѣ, то каждый находитъ покупателя. Каждый производящій получаетъ теперь, какъ и прежде, за каждую штуку своего товара по штукѣ чужого товара. Но такъ какъ теперь онъ производитъ въ 7 разъ больше прежняго въ единицу времени, то и купить можетъ другого товара въ семь разъ больше, затрачивая на это прежнее количество рабочаго времени. Взаимное мѣновое отношеніе товаровъ осталось прежнимъ, а покупательная сила рабочаго времени увеличилась въ семь разъ. А такъ какъ по предположенію количество рабочаго времени осталось прежнимъ, то по отношенію къ нему покупательная сила каждой единицы продукта *уменьшилась* въ семь разъ. Прежде для покупки 5 штукъ товара надо было проработать семь дней, а теперь только одинъ день. Количество труда всего общества, распредѣленное по различнымъ отраслямъ производства, въ зависимости отъ количества продуктовъ, потребныхъ для удовлетворе-

нія всей общественной потребности въ каждой изъ нихъ, осталось прежнимъ, увеличилось же количество всѣхъ продуктовъ. А такъ какъ общественно-хозяйственныя отношенія слагаются исключительно подъ давленіемъ необходимости удовлетворенія потребностей существованія (отъ низшихъ до высшихъ) каждаго изъ членовъ общества, то единицею мѣры при обмѣнѣ одного продукта на другой являются не какіе-нибудь внѣ общественно-хозяйственные факторы, а исключительно общественно-хозяйственный факторъ, тотъ, который приспособляетъ предметы, находимые въ природѣ, къ потребностямъ человѣческаго существованія, именно трудъ человѣка, и именно такая его величина, которая необходима для изготовленія даннаго продукта въ количествѣ, необходимомъ для удовлетворенія потребности въ немъ всего общества. Чѣмъ меньше рабочаго времени будетъ затрачено на производство даннаго количества продукта при прежней въ немъ потребности, тѣмъ меньше въ каждую единицу продукта будетъ вложено покупательной силы для обмѣна на другой продуктъ, при остальныхъ неизмѣняющихся условіяхъ

Мы принимали, что производительная сила труда увеличилась въ семь разъ равномѣрно въ каждой изъ отраслей производства. Такое предположеніе мы сдѣлали съ исключительною цѣлью поставить всѣ продукты, въ ихъ *мѣновомъ* отношеніи, въ одинаковыя условія. Дѣло нисколько, очевидно, не измѣнится, если производительность труда въ разныхъ отрасляхъ производства будетъ измѣняться въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ. Остается въ силѣ только тотъ фактъ, что чѣмъ меньше затрачивается рабочаго времени, общественно-необходимаго для производства какого-нибудь продукта, тѣмъ болѣе понижается покупательная сила послѣдняго.

Мы также принимали, что при увеличеніи производительности труда отрасли производства остались прежнія Этого не только не требуется, но это прямо-таки невозможно. Потребности человѣка въ какомъ-нибудь родѣ продуктовъ ограничены, такъ что количественное увеличеніе ихъ потребленія и производства можетъ произойти только въ извѣстныхъ предѣлахъ. Прежде опредѣленная потребность,—въ одеждѣ, напримѣръ,—удовлетворялась плохо; теперь она можетъ быть удовлетворена вполнѣ при относительно меньшей затратѣ на это производство общественнаго рабочаго времени. Такъ что освободившееся рабочее время можетъ быть употреблено на производство продуктовъ, удовлетворяющихъ вновь возникшія потребности.

Изъ всего этого выходитъ, что величина *мѣновой* стоимости продуктовъ опредѣляется исключительно общественно-хозяйственными отношеніями, именно количествомъ рабочаго времени общественно-необходимаго на ихъ производство.

Само собою разумѣется, что данныя Carroll D. Wright'a, по-

служившія основою для нашего разсужденія, показываютъ прежде всего относительный размѣръ каждой изъ потребностей, которыя могутъ быть удовлетворены различными слоями населенія при полученіи каждымъ изъ нихъ той или иной суммы изъ всего общественнаго продукта. Но это сдѣлано имъ только относительно одного изъ общественныхъ классовъ, именно рабочаго населенія. Если бы тоже самое возможно было сдѣлать по отношенію ко всему населенію, то, очевидно, картина получилась бы совершенно законченная и болѣе рельефная. Промышленная статистика страны показываетъ тоже самое явленіе, но только съ другой стороны, и по отношенію ко всему населенію. Существенная разница между статистикой потребленія отдѣльныхъ семей и общественной промышленной статистикой заключается въ томъ, что первая имѣетъ дѣло исключительно съ продуктами личнаго потребленія, а вторая показываетъ, какимъ образомъ распредѣляются всѣ общественныя рабочія силы не только для изготовленія предметовъ личнаго потребленія, но также и для производства орудій труда, сырыхъ и вспомогательныхъ матеріаловъ, требуемыхъ для ихъ изготовленія. Изъ сравненія данныхъ промышленной статистики различныхъ странъ или какой-нибудь одной страны въ разное время, можно видѣть, какая часть общественныхъ рабочихъ силъ должна быть употреблена на производство и на доставку на рынокъ тѣхъ или другихъ предметовъ потребленія и средствъ для производства этихъ предметовъ потребленія, въ зависимости отъ большей или меньшей производительности труда сравниваемыхъ странъ или сравниваемыхъ періодовъ времени какой-нибудь одной страны.

Данныя Carroll D. Wright'a наглядно показываютъ, что какую бы субъективную оцѣнку ни дѣлало то или другое лицо при покупкѣ средствъ существованія и пр., какъ бы вкусы отдѣльныхъ лицъ различны ни были, но эта субъективная оцѣнка находится въ полной зависимости, при прочихъ одинаковыхъ условіяхъ, отъ объективнаго фактора, отъ достигнутой степени успѣшности труда, которымъ обусловливается вся человѣческая жизнь и всѣ общественно-хозяйственныя отношенія. При этомъ распредѣленіе всей суммы общественныхъ рабочихъ силъ по разнымъ отраслямъ производства находится въ полной зависимости отъ необходимости удовлетворенія потребностей организма, начиная съ наиболѣе настоятельныхъ.

Если бы это было не такъ, если бы величина мѣновой стоимости зависѣла не отъ объективныхъ условій производства, а отъ независимой отъ нихъ субъективной оцѣнки, то этимъ самымъ устранялась бы всякая закономѣрность въ условіяхъ общественнаго производства, а слѣдовательно, уничтожалась бы вмѣстѣ съ этимъ самая возможность научнаго изслѣдованія общественно-хозяйственныхъ отношеній.

Чѣмъ болѣе страна ушла впередъ по пути промышленнаго развитія, тѣмъ относительно меньше, при прочихъ неизмѣняющихся условіяхъ, употребляется общественныхъ рабочихъ силъ на производство пищи, одежды и пр Наоборотъ, чѣмъ какая-нибудь страна менѣе развита въ промышленномъ отношеніи, тѣмъ относительно больше общественныхъ рабочихъ силъ идетъ на производство этихъ необходимѣйшихъ предметовъ существованія Въ строгой логической зависимости отъ степени производительности труда находится преемственность возникновенія и развитія обрабатывающей и добывающей промышленности страны. На первомъ планѣ стоитъ, конечно, земледѣліе, дающее сырой матеріалъ для пищи и одежды, и добывающая промышленность. Поэтому при возникновеніи капиталистическаго хозяйства оно прежде всего захватываетъ обработку волокнистыхъ веществъ и перевозочную промышленность, транспортировку продовольственныхъ средствъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и изготовленіе необходимыхъ для этого средствъ производства. По мѣрѣ отдѣленія обработки сырыхъ матеріаловъ отъ ихъ производства, т. е. по мѣрѣ развитія общественнаго раздѣленія труда, ростетъ рынокъ для земледѣльческой промышленности, а вмѣстѣ съ нимъ и требуемый для этого торговый капиталъ.

Торговая прибыль, получаемая при этомъ, обращается затѣмъ въ капиталъ промышленный, который затрачивается на обработку волокнистыхъ веществъ, т. е. на производство предметовъ, удовлетворяющихъ послѣ пищи наиболѣе настоятельную потребность народныхъ массъ. Затѣмъ идетъ развитіе остальныхъ производствъ. Вотъ почему въ каждой странѣ, вступающей на путь капиталистическаго производства, мы находимъ, что капитализмъ прежде всего захватываетъ обработку волокнистыхъ веществъ и стремится къ развитію перевозочныхъ средствъ, способствующихъ обмѣну продуктовъ земледѣлія и обрабатывающей промышленности. Это развитіе идетъ тѣмъ напряженнѣе, чѣмъ больше развивается капиталистическое производство, чѣмъ глубже идетъ отдѣленіе обработки сырыхъ матеріаловъ отъ добыванія или отъ производства ихъ. Вотъ почему при сравненіи производства разныхъ странъ, мы видимъ въ Россіи, напримѣръ, въ обрабатывающей промышленности неизмѣримо большее преобладаніе производства по обработкѣ волокнистыхъ веществъ, чѣмъ въ С-Американскихъ Штатахъ, или въ Германіи, или во Франціи.

Прежде всего, слѣдовательно, капиталистическое производство захватываетъ отрасли промышленности, продукты которыхъ разсчитаны на потребленіе народныхъ массъ и на доставку всякихъ продуктовъ на рынокъ. Только по достиженіи во всей странѣ извѣстной величины прибыли, полученной отъ этихъ производствъ, возможно возникновеніе въ болѣе или менѣе широкихъ размѣ-

рахъ производства предметовъ, удовлетворяющихъ менѣе настоятельныя потребности, и затѣмъ предметовъ роскоши.

Въ томъ же порядкѣ, въ какомъ возникаютъ отдѣльныя отрасли капиталистическаго производства, на нихъ дѣйствуетъ также и кризисъ. Съ особенною рельфностью это обнаруживается у насъ въ Россіи, гдѣ вообще капиталистическое производство далеко еще не проникло во всѣ стороны общественной хозяйственной жизни, и потому изученіе разныхъ его проявленій не представляетъ тѣхъ затрудненій, какъ въ болѣе капиталистически развитыхъ странахъ, гдѣ одно вліяніе заслоняетъ другое и гдѣ, поэтому, прослѣдить дѣйствіе каждаго сравнительно не такъ легко.

Все развитіе капиталистическаго производства у насъ совершалось исключительно на счетъ капитализаціи крестьянскихъ промысловъ и земледѣльческихъ доходовъ при помощи высокаго таможеннаго обложенія товаровъ иностраннаго происхожденія, акцизнаго обложенія товаровъ внутренняго происхожденія, системы податного обложенія. Все это вмѣстѣ способствовало тому, что земледѣльческіе доходы переходили въ видѣ прибыли торгово-промышленному классу и въ видѣ податей и налоговъ государству. Послѣднее, съ своей стороны, употребляло весьма значительную часть ихъ на развитіе капиталистическаго производства, при помощи постройки желѣзныхъ дорогъ и пр. Потребность матеріаловъ, желѣза для рельсовъ, для подвижного состава, для оборудованія пути, вызвала возникновеніе предпріятій для добычи руды, добыванія изъ нея желѣза, обработки его, для изготовленія рельсовъ, путепроводовъ, мостовъ, подвижного состава и пр. и пр. Постройка желѣзныхъ дорогъ привела также къ необходимости расширенія добычи угля. Все это вмѣстѣ взятое вызвало, съ другой стороны, потребность въ рабочихъ. Ростъ ихъ числа въ обрабатывающей и добывающей промышленности подъ вліяніемъ этихъ условій далеко превзошелъ все, что только наблюдалось до этого времени. Рабочіе, съ своей стороны, предъявили запросъ на предметы личнаго потребленія. Производство по обработкѣ волокнистыхъ веществъ возросло чрезвычайно; оно опять-таки потребовало увеличенія числа рабочихъ, слѣдовательно, запроса съ ихъ стороны на предметы личнаго потребленія. Акціонерныя предпріятія росли, какъ грибы послѣ дождя. Росли и дивиденды, а, слѣдовательно, запросъ не только на предметы обычнаго потребленія, но и на предметы роскоши. Идеологи капитализма не могли нарадоваться на такой его ростъ.

Но, къ сожалѣнію, они никакъ не хотѣли видѣть и признать, что весь этотъ ростъ происходитъ на счетъ производителей, стоящихъ по условіямъ производства внѣ капиталистическихъ отношеній, что численный ростъ послѣднихъ и предѣлы ихъ податной и платежной способности, на которыхъ основывался ростъ

капитализма, ограничены; что самый фактъ роста капитализма на ихъ счетъ указывалъ на то, что у нихъ, какъ у производителей, отнимается возможность увеличивать производительность ихъ труда, а какъ потребители продуктовъ капиталистической промышленности, они лишаются необходимыхъ для этого покупательныхъ средствъ; они не могутъ даже поддержать главное орудіе своего труда—землю—въ такомъ состояніи, чтобы она продолжала производить то, что производила прежде.

Въ результатѣ всего этого оказывается слѣдующее. Какъ только подъ вліяніемъ внѣшнихъ, случайныхъ причинъ была пріостановлена постройка желѣзныхъ дорогъ, какъ только прекратились правительственные заказы на желѣзнодорожные матеріалы и для строющихся желѣзныхъ дорогъ, и для ремонта существующихъ, — обнаружился „кризисъ“ въ металлургическомъ производствѣ. За нимъ послѣдовалъ „кризисъ“ въ горнопромышленномъ дѣлѣ. Стали разсчитывать рабочихъ, отвозить ихъ на особыхъ поѣздахъ на родину. Прекратился запросъ ихъ на предметы потребленія. Промышленность по обработкѣ волокнистыхъ веществъ стала быстро сокращаться, какъ это видно изъ отчетовъ за 1900 годъ большинства фабрикъ. Дивиденды улыбнулись акціонерамъ. Сокращается запросъ на предметы роскоши. Биржевая цѣна большинства акцій быстро падаетъ. Охотниковъ покупать и по низкой цѣнѣ мало. Отъ еще недавняго процвѣтанія и подъема промышленности не осталось и слѣда.

Но, съ другой стороны, форсированное насажденіе капитализма при помощи изъятія производительныхъ средствъ отъ земледѣльческаго населенія не могло пройти даромъ для послѣдняго. Неурожаи въ той или другой мѣстности Россіи стали явленіемъ обычнымъ, при томъ и районы неурожайныхъ мѣстностей растутъ... Страна оказывается не въ силахъ выдержать существующую хозяйственную политику: она не выдержала опыта форсированнаго насажденія капиталистическаго строя; нѣтъ въ наличности очень многихъ требуемыхъ для этого условій. Попытка брать производительныя средства съ большинства производительнаго населенія, чтобы на эти средства создать промышленный строй на новыхъ началахъ, такой, продукты котораго предназначались для отчужденія тому же классу населенія, на счетъ котораго онъ созидался,—попытка эта оказалась въ очень значительной мѣрѣ неудачной. Большинство промышленно-земледѣльческаго населенія, вслѣдствіе того, что съ него берется больше того, что оно можетъ дать безъ ущерба развитію своей производительной дѣятельности, не въ состояніи поддержать размѣрами своего запроса капиталистическую промышленность. Оно даже не въ состояніи поддержать собственное производство; развитіе на его счетъ капитализма въ корнѣ подтачиваетъ его собственныя производительныя силы. Любопытно, что выходъ для капиталистической про-

мышленности изъ этого затрудненія публицисты всѣхъ оттѣнковъ видятъ исключительно въ помощи изъ казеннаго сундука...

IV.

Итакъ, вся сумма предметовъ потребленія и средствъ производства всего даннаго общества составляетъ для этого послѣдняго, при опредѣленной степени развитія производительности труда и раздѣленія его, нѣчто цѣлое, тѣсно между собою связанное. Связью служитъ количество рабочаго времени, необходимое для изготовленія продуктовъ каждаго рода въ требуемомъ количествѣ. Эта связь выражается въ объединеніи всѣхъ общественныхъ рабочихъ силъ въ одно общественное цѣлое. Это общественное цѣлое, объединенное потребностью труда для существованія людей, и составляетъ предметъ изученія политической экономіи. Политическая экономія, при помощи анализа хозяйственныхъ отношеній людей, пришла къ заключенію, что въ основаніи современной сложной хозяйственной жизни, въ капиталистической организаціи производства, лежатъ по существу тѣ же самыя отношенія, какія лежатъ въ несравненно менѣе сложной докапиталистической организаціи производства; что и теперь, какъ и прежде, вся сумма рабочихъ силъ распредѣляется на производство различныхъ предметовъ потребленія въ количествѣ, требуемомъ для удовлетворенія данной въ нихъ потребности. Но разница лишь въ томъ, что прежде, когда каждое хозяйство было болѣе или менѣе самодовлѣющимъ, такое распредѣленіе происходило прямо, непосредственно, подъ вліяніемъ очевидности; а въ настоящее время въ капиталистическомъ хозяйствѣ это происходитъ косвенно, при продажѣ товара, на рынкѣ, при помощи конкурренціи, такъ что „общественный характеръ труда производителей принимаетъ форму общественнаго отношенія продуктовъ“.

Изъ этого видно, что съ какой бы стороны мы ни посмотрѣли на вопросъ объ опредѣленіи величины мѣновой стоимости товара количествомъ труда общественно необходимаго на его производство, мы не выходимъ изъ предѣловъ экономическихъ отношеній, совершенно даже не приближаемся „къ соціологическому ученію объ эксплуатаціи“, съ которымъ отождествляетъ его г. Струве *).

*) Что, говоря объ эксплуатаціи вообще, Марксъ имѣлъ въ виду исключительно хозяйственную сторону дѣла, а не этическую и не соціологическую, доказываетъ слѣдующее Возражая противъ попытокъ представить возникновеніе капитала, какъ результатъ собственнаго труда и «сбереженій» отдѣльныхъ лицъ. Марксъ указываетъ на кредитъ, позволяющій предпринимателямъ располагать чужими «сбереженіями» для своихъ торгово-промышленныхъ цѣ-

Изъ всего этого, кромѣ того, выходитъ, что общественно-хозяйственныя отношенія людей между собою обусловливаются общественнымъ раздѣленіемъ труда для производства предметовъ потребленія, необходимыхъ для поддержанія существованія человѣческаго организма, приспособленіемъ внѣшнихъ предметовъ, находимыхъ въ природѣ, при помощи силъ природы. Силы природы, тѣла, находимыя въ природѣ, живыя или мертвыя все равно,— это тѣ внѣшніе предметы, помощью которыхъ и которые человѣкъ приспособляетъ къ потребностямъ своего существованія. Ни силы природы, ни животныя не входятъ въ составъ человѣческаго общества, а слѣдовательно, и въ тѣ общественно-хозяйственныя отношенія, съ которыми имѣетъ дѣло политическая экономія вообще, и въ частности въ опредѣленіе величины *мѣновой* стоимости. Поэтому, когда г. Струве задаетъ вопросъ, чѣмъ объективно отличается эксплуатація человѣка человѣкомъ отъ эксплуатаціи лошади человѣкомъ, то на это можно отвѣтить: съ точки зрѣнія эксплуатаціи механической силы—ничѣмъ. Да, человѣкъ эксплуатируетъ лошадь; да, онъ кромѣ лошади эксплуатируетъ для своихъ хозяйственныхъ цѣлей различныя проявленія энергіи: теплоту, электричество, свѣтъ, тяготѣніе, — но всѣ эти формы энергіи находятся внѣ общественно-хозяйственныхъ отношеній одного человѣка къ другому или одного общественнаго класса къ другому общественному классу, которыя складываются между ними для цѣлей *ихъ* существованія; а такъ какъ эти отношенія исключительно общественныя, то въ *мѣновой* стоимости, которая есть одно изъ проявленій этихъ отношеній, нѣтъ и не можетъ быть, кромѣ опредѣленнаго общественно-необходимаго количества труда, никакого природнаго содержанія.

Такимъ образомъ, если, съ точки зрѣнія эксплуатаціи механической силы, эксплуатація лошади человѣкомъ ничѣмъ не отличаются отъ эксплуатаціи человѣка человѣкомъ, то съ хозяйственно-общественной точки зрѣнія между тою и другою эксплуатаціей непроходимая пропасть.

Г. Струве, сравнивая эксплуатацію лошади съ эксплуатаціей человѣка человѣкомъ, утверждаетъ, что при этомъ и человѣкъ, и лошадь производятъ прибавочный продуктъ, достающійся эксплуатирующему. Иными словами, онъ вводитъ лошадь въ человѣческое

лей; кредитъ, который оказываютъ другъ другу капиталисты, занятые въ процессѣ воспроизводства, и который оказываетъ имъ публика, они обращаютъ въ источникъ собственнаго обогащенія.. «Не только прибыль заключается въ присвоеніи чужого труда,—говоритъ онъ, — но и капиталъ, который приводитъ въ дѣйствіе этотъ живой трудъ и эксплуатируетъ его, состоитъ изъ чужой собственности, которую денежный капиталистъ отдаетъ въ распоряженіе промышленнаго капиталиста и которую послѣдній съ своей стороны эксплуатируетъ» («Капиталъ», III, 416).

общество. Онъ при этомъ кромѣ того забываетъ, что, независимо отъ силы животныхъ, всѣми силами природы, разъ открыты ихъ свойства, человѣкъ пользуется для своихъ хозяйственныхъ цѣлей, онъ ихъ эксплуатируетъ.

„Стоимость,—говоритъ г. Струве,—неразрывно связана съ физическимъ носителемъ ея, съ продуктомъ". Совершенно вѣрно. „Слѣдовательно,—заключаетъ г. Струве,—стоимость въ концѣ концовъ есть всегда потребительная стоимость". Ни въ какомъ случаѣ. Потребительная стоимость товара заключается въ его пригодности для удовлетворенія какихъ-нибудь человѣческихъ потребностей; а мѣновая его стоимость выражаетъ количество труда, общественно-необходимаго для его изготовленія. Потребительная стоимость есть продуктъ природы, приспособленный трудомъ къ удовлетворенію нуждъ человѣка. Въ мѣновой стоимости нѣтъ рѣшительно никакого природнаго содержанія. Если вѣсъ всегда связанъ съ физическимъ носителемъ его, съ физическимъ тѣломъ, вѣсомъ выражается одно изъ его свойствъ, то изъ этого еще ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ, что „вѣсъ есть въ концѣ концовъ всегда физическое тѣло", какъ это выходитъ по аргументаціи г. Струве.

„Создается продуктъ, а не стоимость",—продолжаетъ г. Струве. Нѣтъ, г. Струве, какъ разъ наоборотъ! Продуктъ не создается трудомъ. Человѣкъ создать физическое тѣло не можетъ. Все, что онъ можетъ сдѣлать, это приспособить, затрачивая потенціальную энергію своихъ мускуловъ, мозга и т. д., данное физическое тѣло къ потребностямъ своего существованія, пользуясь силами природы и свойствами даннаго тѣла. Этою стороною своей дѣятельности, качественною стороною своего труда, тѣмъ, что это трудъ столяра, механика, хлѣбопека, земледѣльца, мѣновой стоимости онъ не производитъ.

Но, если трудъ его употребленъ въ *общественно-полезной* формѣ, если при томъ онъ осуществляется въ видѣ товара, т. е. въ видѣ полезнаго предмета, заранѣе предназначеннаго для отчужденія, для удовлетворенія не личной потребности производителя, а для удовлетворенія потребности въ немъ другихъ членовъ общества, чтобы при посредствѣ такого отчужденія получить взамѣнъ продукты, удовлетворяющіе его собственныя потребности,—то этою стороною своего труда *онъ создаетъ общественное отношеніе*, въ которомъ имъ самимъ осуществленный трудъ, будучи однимъ изъ звеньевъ всего общественнаго труда, становится къ другимъ, качественно отъ него отличнымъ родамъ труда. И это-то *созданное общественное отношеніе*, единицею мѣры котораго служитъ количество труда, общественно необходимаго для производства продукта, и есть мѣновая стоимость этого продукта, т. е. мѣновое отношеніе одного издѣлія, удовлетворяющаго какую-нибудь

потребность человѣка, къ другимъ издѣліямъ, удовлетворяющимъ другія его потребности. *Создать* человѣкъ можетъ исключительно лишь *мѣновую* стоимость, при томъ при наличности опредѣленныхъ хозяйственно-общественныхъ отношеній *).

Весь блестящій, можно сказать геніальный, анализъ I-го отдѣла перваго тома „Капитала", разъясняющій весь этотъ вопросъ, пропалъ даромъ для г. Струве.

Г. Струве не понялъ различенія, которое дѣлаетъ Марксъ между качествомъ и количествомъ человѣческаго труда въ обществѣ, основанномъ на товарномъ производствѣ, при опредѣленіи величины стоимости товара. Онъ отождествилъ потребительную стоимость и мѣновую (стоимость мѣновая... есть всегда потребительная стоимость). Онъ надѣлилъ человѣка способностью *созидать* продукты, а не просто лишь превращать ихъ изъ непотребляемой формы въ потребляемую. Онъ отрицаетъ способность человѣка *созидать мѣновую стоимость*, вслѣдствіе опредѣленно складывающихся хозяйственно-общественныхъ отношеній. Въ отношеніяхъ однихъ людей къ другимъ, складывающіяся на почвѣ необходимости поддерживать трудомъ собственное ихъ существованіе, онъ вводитъ на одинаковыхъ правахъ съ человѣкомъ животныхъ, на томъ основаніи, что человѣкъ ихъ эксплуатируетъ. Слѣдовательно, идя дальше, онъ съ одинаковымъ правомъ могъ бы

---

*) Утвержденіе г. Струве, что *создается* продуктъ, а не мѣновая стоимость, тѣмъ болѣе поразительно, что за нѣсколько строкъ до того онъ говоритъ: «Такъ какъ этотъ продуктъ (труда) — какъ физическая масса предметовъ потребленія—не есть, очевидно, созданіе человѣческой рабочей силы, то это есть продуктъ труда исключительно лишь въ томъ смыслѣ, что созданіемъ его трудъ пріобщается къ труду общественному» Но пріобщается то онъ къ послѣднему вслѣдствіе того, что продуктъ изготовленъ въ видѣ товара, для продажи, съ тѣмъ, чтобы взамѣнъ его пріобрѣсти продукты другихъ производителей, удовлетворяющіе другія потребности Единицею мѣры при этомъ обмѣнѣ своихъ продуктовъ на чужіе для производителя становится количество труда, общественно-необходимаго на ихъ изготовленіе; это и есть ихъ мѣновая стоимость Мѣшаетъ г-ну Струве понять истинный смыслъ мѣновой стоимости, какъ застывшаго рабочаго времени. 1) неясное представленіе предѣловъ самой области общественно-экономическихъ отношеній; иначе онъ не включилъ бы работу животнаго въ *общественно*-хозяйственныя отношенія, складывающіяся исключительно между людьми для удовлетворенія потребностей ихъ существованія, и не сказалъ бы, что «работа животнаго производитъ прибавочный продуктъ (= прибавочной стоимости) совершенно въ такомъ же смыслѣ, какъ и работа человѣка»; 2) отождествленіе *потребительной стоимости*, полезной вещи,—при томъ прямо или косвенно полезной для человѣка,—какъ результата *качественно полезнаго человѣческаго труда, съ мѣновой стоимостью, количествомъ человѣческаго труда* общественно-необходимаго для изготовленія этой полезной вещи. Мѣновая стоимость, слѣдовательно, всегда овеществлена въ потребительной стоимости, но она не есть, какъ это утверждаетъ г Струве, «въ концѣ-концовъ всегда» потребительная стоимость».

сказать, что такъ какъ силы природы, свѣтовая, тепловая, электрическая и т. д. энергіи, эксплуатируются человѣкомъ, то и онѣ доставляютъ ему, подобно лошади, прибавочный продуктъ, а потому входятъ элементомъ въ опредѣленіе величины мѣновой стоимости. Но онъ этого не говоритъ, а если и говоритъ, то лишь мимоходомъ. Договориться до этого онъ предоставляетъ своему alter ego, автору знаменитой теоріи самодовлѣющаго капитализма, г. Тугану-Барановскому.

Николай—онъ.

Теорія трудовой стоимости и нѣкоторые изъ ея критиковъ.

V.

По мнѣнію г. Тугана-Барановскаго, *мѣновая* стоимость товара опредѣляется не однимъ только количествомъ рабочаго времени которое должно удѣлить общество на его производство въ требуемомъ для этого размѣрѣ, но въ производствѣ цѣнныхъ продуктовъ, а слѣдовательно, въ созданіи *мѣновой стоимости*, какъ основы цѣны, участвуетъ какъ трудъ, такъ и капиталъ. „Въ результатѣ производства получается увеличеніе цѣны: цѣна продукта превышаетъ цѣну затраты и этотъ избытокъ есть прибыль капиталиста. Откуда является этотъ избытокъ цѣны, а слѣдовательно и цѣнности?.. избытокъ этотъ, реально, въ такой же мѣрѣ продуктъ капитала, какъ и труда... Въ дѣлѣ созданія прибыли капиталъ эквивалентенъ труду... Въ дѣйствительности трудъ производителенъ какъ разъ въ такой же мѣрѣ, какъ и капиталъ“ „Въ дѣлѣ созданія цѣнныхъ предметовъ рѣшительно никакого принципіальнаго различія между человѣкомъ и машиной не существуетъ. Человѣкъ и машина въ этомъ отношеніи вполнѣ эквивалентны“. Роль машины въ дѣлѣ созданія цѣнныхъ предметовъ все растетъ, а роль труда все умаляется. „Повышеніе производительности труда есть не что иное, какъ другое выраженіе для обозначенія паденія роли труда въ общихъ затратахъ производства“. Марксъ, по мнѣнію г. Тугана-Барановскаго, повѣрилъ, что при этомъ замѣщеніи машина ничего не дѣлаетъ, и заключилъ, что если машина замѣщаетъ рабочаго, значитъ ихъ общая выработка сокращается (!?). „Трудовая теорія цѣнности въ примѣненіи къ реальнымъ фактамъ должна быть конструирована такимъ образомъ, чтобы эквивалентность человѣка и машины находила себѣ въ ней выраженіе“ (Туганъ-Барановскій, — приведено въ статьѣ г. Чернова: „О положительныхъ и отрицательныхъ сторонахъ капитализма“. Руск. Бог. 1901, № 4, стр. 229—30).

Такимъ образомъ, г. Туганъ-Барановскій вводитъ въ человѣ-

ческое общество на одинаковыхъ правахъ съ человѣкомъ не только лошадей, какъ это дѣлаетъ г. Струве, но также силы природы... Онъ полемизируетъ съ Марксомъ противъ утвержденія послѣдняго, что вся сумма вновь произведенной стоимости производится исключительно всею суммою труда, которымъ располагаетъ общество: что продуктъ труда и только одного труда, приспособленный при помощи пользованія силами природы къ потребностямъ человѣка, попадаетъ въ руки тѣхъ, кто владѣетъ средствами для производства этихъ продуктовъ; что тѣ, у кого такихъ средствъ производства нѣтъ, принуждены покупать эти продукты на деньги, полученныя отъ продажи своей рабочей силы для производства этихъ продуктовъ. Г. Туганъ-Барановскій не видитъ также никакого принципіальнаго различія между человѣкомъ и машиною въ дѣлѣ созданія цѣнныхъ предметовъ. Онъ не видитъ, что машина создается трудомъ человѣка для большаго использованія силъ природы съ цѣлью производства прежнимъ количествомъ труда большаго количества продуктовъ; что при прежнемъ количествѣ затраченнаго труда, но труда, затраченнаго, съ одной стороны, на постройку машинъ, а съ другой—на производство съ ихъ помощью полезныхъ предметовъ, увеличивается количество производимыхъ предметовъ, и если количество предметовъ увеличится втрое при прежнемъ количествѣ труда, потребнаго на производство сырого матеріала, на постройку машинъ и на производство даннаго продукта, то мѣновая стоимость каждаго изъ произведенныхъ полезныхъ предметовъ понижается втрое; и уменьшается втрое именно потому, что для удовлетворенія всей общественной потребности въ данномъ продуктѣ, вслѣдствіе такого увеличенія производительности труда, требуется, при прочихъ неизмѣняющихся условіяхъ, втрое меньше рабочаго времени изъ всей суммы общественнаго рабочаго времени. Г. Туганъ-Барановскій не хочетъ понять, что въ *общественно-хозяйственныхъ* отношеніяхъ силы природы не играютъ никакой роли, что овладѣваетъ ими человѣкъ для увеличенія производительности своего труда, требуемаго для изготовленія полезныхъ для него предметовъ, что только одинъ общественно полезный трудъ создаетъ мѣновую стоимость, что въ мѣновую стоимость полезнаго предмета входитъ также мѣновая стоимость машинъ, сырого и вспомогательнаго матеріала и пр., какъ разъ въ такомъ количествѣ, какое количество труда потребовалось на ихъ производство; что если машина проработаетъ, скажемъ, 15 лѣтъ, то количество труда, потребнаго на ея постройку, и количество труда, потребнаго на добываніе и обработку сырого матеріала для нея, т. е. ея стоимость распредѣлится на 15-ти лѣтній продуктъ ея дѣятельности; что въ дѣйствительности только одинъ трудъ производитъ стоимость, а машина, построенная также трудомъ, даетъ только возможность болѣе производительнаго использованія силъ природы

для изготовленія данныхъ предметовъ, и этими силами природы капиталистъ пользуется даромъ.

Объ эквивалентности роли машины и человѣка въ дѣлѣ созданія мѣновой стоимости не можетъ быть и рѣчи. Человѣкъ, при помощи построенной имъ машины, увеличиваетъ количество производимыхъ имъ продуктовъ при прежней затратѣ рабочихъ силъ, но стоимость каждой единицы продукта уменьшается настолько, насколько уменьшается количество труда, потребнаго для производства каждой такой единицы.

Г. Струве, а за нимъ г Туганъ-Барановскій, смѣшивая общественную связь, возникающую вслѣдствіе хозяйственныхъ отношеній людей между собою, хозяйственное подчиненіе однихъ людей другимъ, съ эксплуатаціею человѣкомъ силъ природы для его производительныхъ цѣлей, подводя эксплуатацію человѣка человѣкомъ и эксплуатацію силъ природы человѣкомъ подъ одну рубрику, смотрятъ на человѣка не съ точки зрѣнія общественныхъ отношеній, не какъ на существо общественное, а съ чисто механической точки зрѣнія, какъ на источникъ механической силы, какъ на животное, какъ на машину.

Такое включеніе въ общественныя отношенія между людьми силъ природы и внѣшнихъ предметовъ есть основная причина остальныхъ промаховъ г. Струве. Подводя подъ одно понятіе механическую эксплуатацію силъ природы и эксплуатацію человѣка человѣкомъ, возникающую вслѣдствіе хозяйственныхъ отношеній, г. Струве вноситъ путаницу въ изученіе *общественно*-хозяйственныхъ явленій.

Поэтому г. Струве совершенно не правъ, возражая Зомбарту, который настаиваетъ на томъ, что у Маркса понятія о стоимости, прибавочной стоимости, эксплуатаціи и т. д имѣютъ чисто экономическій смыслъ и ихъ ни подъ какимъ видомъ нельзя считать понятіями „этическими“. Эта ошибка г. Струве ведетъ къ его утвержденію, будто у Маркса „экономическія соображенія повсюду, гдѣ только они сталкиваются съ соціологическими, уступаютъ имъ мѣсто. Примѣромъ,—продолжаетъ г. Струве,—можетъ служить раздѣленіе капитала на постоянный и перемѣнный, въ соціологическомъ отношеніи имѣющее глубокое значеніе, а въ экономическомъ отношеніи могущее иногда ввести въ заблужденіе“.

Такимъ образомъ, подраздѣленіе капитала на постоянный и перемѣнный, опредѣляющее величину той части вновь произведенной стоимости, которая идетъ рабочему классу, путемъ экономическихъ отношеній между классомъ предпринимателей и рабочимъ классомъ; то подраздѣленіе, на которомъ основывается распредѣленіе вновь производимой стоимости между разными общественными классами; подраздѣленіе, которымъ обусловливается экономическая организація капиталистическаго общества, весь поступательный ходъ *хозяйственныхъ* отношеній; подраздѣленіе,

которое составляетъ одну изъ важнѣйшихъ заслугъ Маркса для экономической науки; подраздѣленіе, безъ котораго не было бы понятно большинство явленій капиталистическаго производства, по мнѣнію „марксиста“ г. Струве имѣетъ значеніе соціологическое, а въ политической экономіи ведетъ къ ошибочнымъ заключеніямъ. И вся эта ошибка г. Струве произошла отъ того, что онъ отождествилъ экономическую эксплуатацію человѣка человѣкомъ съ механической эксплуатаціей силъ природы человѣкомъ, и не взглянулъ на первую какъ на необходимый результатъ чисто-экономическихъ отношеній, вызванныхъ отдѣленіемъ производителей отъ средствъ производства и сосредоточеніемъ послѣднихъ въ рукахъ не непосредственныхъ производителей, при вѣчной неизбѣжной необходимости поддерживать человѣческое существованіе трудомъ. А вѣдь хозяйственно-общественныя отношенія, возникающія изъ этой необходимости и составляютъ предметъ науки, которую называютъ политическою экономіею

Затѣмъ, по мнѣнію г. Струве, содержаніе III тома „Капитала“ упраздняетъ трудовую теорію стоимости, изложенную въ I томѣ. Уже по мнѣнію г. Зомбарта, перваго по времени критика III тома рѣшеніе задачи одинаковой нормы прибыли при разномъ строеніи капитала, которое далъ Марксъ, вызываетъ только покачиваніе головами.

Странное вообще дѣло, что лица, которыя сначала вполнѣ согласились съ экономическимъ опредѣленіемъ величины стоимости, даваемымъ въ I-мъ томѣ „Капитала“, никакъ не могутъ помириться съ тѣми ограниченіями этого опредѣленія, которыя вноситъ въ него сама хозяйственная дѣйствительность, и которыя изложены въ III томѣ „Капитала“, въ особенности въ главѣ объ „образованіи средней нормы прибыли“. Они никакъ не могутъ стать на точку зрѣнія Маркса на капиталистическое производство, какъ на общественное по назначенію его продуктовъ и частное по присвоенію прибавочной стоимости. Они не могутъ стать на эту точку зрѣнія не во всѣхъ случаяхъ. Такъ, напримѣръ, для каждаго понятно и не вызываетъ никакого возраженія, когда говорятъ, что прибавочная стоимость, произведенная въ какой-нибудь отрасли промышленности, въ размѣрѣ, дающемъ среднюю норму прибыли, распредѣляется между отдѣльными предпріятіями этой отрасли не равномѣрно; что капиталы, затраченные въ предпріятіяхъ такимъ образомъ, что трудъ становится въ нихъ болѣе производительнымъ, получатъ на свою долю относительно больше прибавочной стоимости, чѣмъ капиталы съ менѣе производительнымъ трудомъ, такъ какъ первые могутъ продавать свои продукты выше ихъ общественной стоимости, и будутъ такъ продавать до тѣхъ поръ, пока всѣ капиталисты данной отрасли промышленности не повысятъ производительности труда своихъ рабочихъ до уровня производительности труда предпріятія, быв-

шаго до того въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ въ этомъ отношеніи.

Изъ этого видно, что прибавочная стоимость, произведенная въ одномъ предпріятіи данной отрасли, можетъ перейти въ карманъ капиталиста, которому принадлежитъ другое предпріятіе этой отрасли промышленности, вслѣдствіе того, что продукты этихъ предпріятій имѣютъ общественное назначеніе; они должны быть проданы, для удовлетворенія потребности въ нихъ всѣхъ членовъ общества и продаются они по однообразной для всѣхъ рыночной цѣнѣ *). Все это извѣстно каждому, и не это вызываетъ возраженія. Вызываетъ возраженія возможность захвата прибавочной стоимости, произведенной въ одной отрасли промышленности, другими отраслями. Дѣйствительно, что это за механизмъ, при помощи котораго производится приведеніе нормы разныхъ отраслей промышленности къ среднему общественному уровню, при чемъ, однако, сохраняетъ силу законъ, опредѣляющій величину стоимости?

На этотъ вопросъ отвѣчаетъ Энгельсъ въ статьѣ, напечатанной послѣ его смерти въ „Die Neue Zeit“ (B. XIV, №№ 1 и 2, а въ русскомъ переводѣ въ „Новомъ Словѣ“, сентябрь 1897). Въ ней онъ изслѣдуетъ этотъ вопросъ исторически. Попробуемъ отвѣтить на него, ставъ на почву существующаго капиталистическаго строя.

Допустимъ на минуту, что во всѣхъ отрасляхъ промышленности норма прибыли, вслѣдствіе одинаковаго отношенія затратъ постояннаго и перемѣннаго капитала, вслѣдствіе одинаковыхъ условій производительности труда, одинаковой степени эксплуатаціи рабочей силы и т. д.—одинакова. Положимъ, что при этомъ все общественное производство въ совокупности занимаетъ 10.000 рабочихъ, и что производятъ они новой стоимости на 10,000.000. При нормѣ прибавочной стоимости, скажемъ, въ 100%, 5 милл. достается рабочимъ, а 5 милл. предпринимателямъ. Допустимъ, что все общественное производство распредѣляется на 100 отраслей, изъ которыхъ въ каждой занято 100 рабочихъ, производящихъ новыхъ стоимостей на 100.000, такъ что каждый рабочій при $\frac{m}{v} = 100\%$, производитъ 500v и 500m., т. е 500 рабочей платы и 500 прибавочной стоимости. Если весь общественный капиталъ = 50,000.000, то при валовой суммѣ прибавочной стоимости въ 5 милл. онъ приноситъ 10% прибыли, предполагая, конечно, что ею не приходится дѣлиться съ кѣмъ-либо. Положимъ,

*) При этомъ, очевидно, норма прибыли не уравнивается, а наоборотъ, въ предпріятіяхъ съ трудомъ менѣе производительнымъ она понижается, что и заставляетъ предпринимателя, подъ страхомъ банкротства, ввести и у себя усовершенствованія.

что въ каждой изъ отраслей производится по 100.000 шт. товара, по 1 руб. за штуку, во всей странѣ 10,000.000 шт.

Положимъ далѣе, что въ нѣсколькихъ отрасляхъ промышленности, тѣсно между собою связанныхъ, доставляющихъ одна другой сырой матеріалъ, машины и пр., скажемъ, при производствѣ и обработкѣ волокнистыхъ веществъ, сдѣланы такія изобрѣтенія, которыя даютъ возможность сократить рабочее время въ этихъ отрасляхъ на половину, т. е. даютъ возможность уменьшить число рабочихъ наполовину, при чемъ количество производимыхъ ими продуктовъ остается прежнимъ и вполнѣ удовлетворяетъ общественной въ нихъ потребности. При уменьшеніи капитальныхъ затратъ на активные факторы производства, на рабочихъ, увеличиваются затраты капитала на пассивные факторы, т. е. на постоянный капиталъ, какъ основной, такъ и оборотный, но при прежней потребности въ продуктѣ, увеличиваются относительно меньше, чѣмъ уменьшились затраты на перемѣнный капиталъ, на заработокъ рабочимъ. Положимъ, что такихъ отраслей производства десять, такъ что теперь вмѣсто 1.000 чел., прежде въ нихъ занятыхъ, требуется всего 500 рабочихъ, которые произведутъ 1 милл. шт. товара, т. е. столько же, сколько прежде производили 1.000 человѣкъ. При этомъ, по нашему предположенію, перемѣнный капиталъ уменьшится по 500 на рабочаго, всего на 250.000; а весь затраченый капиталъ уменьшится, вслѣдствіе предполагаемаго удешевленія сырого матеріала, машинъ и проч., на нѣсколько бо́льшую сумму; вмѣсто 5 милл. будетъ затрачено всего $4^1/_2$ милл., при чемъ освобождающіеся и капиталъ и рабочіе эмигрируютъ.

Оставляя въ сторонѣ переходный періодъ, когда устанавливаются рыночныя цѣны, т. е. когда отдѣльныя группы предпринимателей, вводящія усовершенствованія въ своихъ предпріятіяхъ, пользуются добавочной прибылью, продавая свои товары выше ихъ индивидуальной стоимости, но ниже общественной, перейдемъ прямо къ тому времени, когда предполагаемыя усовершенствованія получили общее распространеніе. Теперь вся сумма прибавочной стоимости, при прежней нормѣ ея, будетъ равняться уже не 5 милл., а 4,750.000, такъ какъ въ 10 отрасляхъ производства 500 челов. произведутъ уже только 250.000, между тѣмъ какъ прежде 1.000 человѣкъ производили 500.000.

Но какъ эта прибавочная стоимость теперь распредѣлится? Какова будетъ стоимость продукта этихъ 10 отраслей?

Прежде весь общественный капиталъ въ 50 милл. приносилъ 5 милл., т е. давалъ 10% прибыли. Теперь часть капитала въ 500.000 освободилась, такъ что осталось 49,500.000. Валовая прибавочная стоимость, производимая рабочими всѣхъ отраслей производства, 4,750.000, даетъ на весь общественный капиталъ уже не 10%, а нѣсколько меньше, именно 9,59%. Это есть слѣдствіе измѣненія отношенія между перемѣннымъ капиталомъ,

производящимъ стоимость, и всею суммою затраченнаго капитала, вслѣдствіе относительно меньшей затраты перемѣннаго капитала.

Въ десяти отрасляхъ промышленности, въ которыхъ производились усовершенствованія, продукты стали продаваться по рыночной цѣнѣ, которая для отдѣльныхъ предпринимателей была выше индивидуальной стоимости этихъ продуктовъ. Когда эти усовершенствованія получили общее распространеніе, цѣна стала понижаться. Но гдѣ же предѣлы такого пониженія ея? Весь капиталъ этихъ отраслей прежде былъ 5,000.000, теперь сталъ $4^1/_2$ милл. Прежде онъ производилъ 1 милл. штукъ товара по рублю, при чемъ половина шла на заработную плату, а половина, 500.000, въ видѣ прибыли на капиталъ. Теперь, при меньшемъ общественномъ капиталѣ, въ этой отрасли промышленности производятся прежнія 1 милл. шт., при чемъ на возмѣщеніе заработной платы идетъ уже не 500 000, а только 250.000. Если при введеніи усовершенствованія отдѣльные предприниматели, для вытѣсненія съ рынка конкуррентовъ, продавали товаръ вмѣсто 1 руб. по 90, 80, 70 коп. за штуку, при чемъ ихъ индивидуальная прибыль была значительно выше средней общественной, то теперь, когда изобрѣтеніе получило общее распространеніе, они не станутъ продавать одну штуку товара дешевле 68 коп., такъ какъ только при этомъ условіи они могутъ получить прибыль въ 432 тыс., или 9,6% на свой капиталъ, зная, что никто другой, при данныхъ техническихъ и общественныхъ условіяхъ и при неизмѣняющейся потребности именно въ 1 милл. штукъ даннаго товара, не станетъ затрачивать свой капиталъ въ эти отрасли производства, такъ какъ и остальныя отрасли производства даютъ не меньшую прибыль.

Но мы говоримъ обо всемъ общественномъ капиталѣ, взятомъ въ цѣломъ, что онъ даетъ теперь въ среднемъ 9,6%, вмѣсто прежнихъ 10% Какимъ образомъ можетъ произойти, что въ остальныхъ 90 отрасляхъ промышленности, которыхъ никакія усовершенствованія не коснулись, норма прибыли понизится до 9,6%?

По нашему предположенію, каждая изъ отраслей промышленности производитъ товаровъ какъ разъ столько, сколько требуется для удовлетворенія общественной потребности въ нихъ. Всего производится 10 милл. штукъ товара, которыя прежде продавались по 1 руб. за штуку, а теперь, хотя и производится попрежнему 10 милл. штукъ, но такъ какъ рабочее время потребное на ихъ приготовленіе уменьшилось, число рабочихъ сократилось на 500 человѣкъ, то всѣ 10 милл. штукъ стоятъ уже не 10 милл. рублей, а меньше на столько, на сколько уменьшилась валовая мѣновая стоимость произведеннаго. А вновь произведенная мѣновая стоимость уменьшилась на 500.000; изъ этой суммы на уменьшеніе возмѣщенія перемѣннаго капитала приходится 250.000, и столько же на уменьшеніе прибавочной стоимости Стало быть,

теперь 10 милл. штукъ товара стоятъ не 10 милл., а 9,5 милл. Въ 90 отрасляхъ производства индивидуальная стоимость составляетъ рубль за штуку, а въ десяти—50 коп. за штуку. Но мы видѣли, что эти десять отраслей не станутъ продавать свой товаръ по его индивидуальной стоимости, имѣя на то чисто экономическое основаніе, такъ какъ никто не станетъ затрачивать свой капиталъ на производство такихъ издѣлій, при продажѣ которыхъ не выручится кромѣ затраченнаго также и прибыль, не меньшая, чѣмъ даютъ остальныя отрасли промышленности Но опять спрашивается: откуда же возьмется такой излишекъ, такая дополнительная стоимость, которая не производится въ этихъ десяти отрасляхъ производства съ относительно большимъ постояннымъ и меньшимъ перемѣннымъ капиталомъ?

Допустимъ, что продукты всѣхъ отраслей производства распредѣлялись между этими отраслями равномѣрно, пропорціонально произведенной въ каждой изъ нихъ суммѣ стоимости, а между предпринимателями и рабочими такъ, что на долю и тѣхъ, и другихъ приходились относительно равныя части. Кромѣ того мы уже предположили, что всѣ 10 милл. штукъ всѣхъ безъ исключенія товаровъ покрываютъ сполна потребность въ нихъ всего общества. Если бы лица, участвующія въ производствѣ не волокнистыхъ веществъ, ссылаясь на индивидуальную стоимость производства и обработки издѣлій изъ волокнистыхъ веществъ, потребовали, чтобы каждая штука ихъ продавалась уже не по 1 рублю, а по 50 копѣекъ, то предприниматели отвѣтили бы имъ: мы можемъ продавать вамъ дешевле, чѣмъ прежде, уже не по рублю, а только по 68 коп.; но по 50 коп. продавать мы не можемъ; этого сдѣлать не можете также и вы, если вздумаете затрачивать свой капиталъ на обработку волокнистыхъ веществъ, такъ какъ вамъ нѣтъ разсчета затрачивать свой капиталъ въ нашей отрасли промышленности, если вы будете получать прибыль меньшую той, которую получаете теперь въ своемъ предпріятіи. Мало того. Такъ какъ мы продаемъ вамъ теперь свои издѣлія гораздо дешевле прежняго, то и мы желаемъ получать у васъ ваши издѣлія также дешевле. Не удивляйтесь нашему желанію: оно вполнѣ отвѣчаетъ экономическому положенію, въ которое поставлены вы, благодаря тѣмъ изобрѣтеніямъ, которыя сдѣланы въ нашихъ предпріятіяхъ. Мы произвели 1 милл. штукъ издѣлій; сто тысячъ остаются для нашего потребленія, а безъ 900.000 остальныхъ вы обойтись не можете; мы понизили цѣну на сколько это для насъ экономически возможно, понизьте цѣну и на ваши издѣлія. Вамъ придется понизить цѣны на ваши товары гораздо меньше, немного болѣе 2% и продавать штуку не по 1 рублю, а по 97,97 к., скажемъ, по 98 коп. Надо вамъ замѣтить, что при такомъ пониженіи цѣны вашихъ товаровъ, реально вы рѣшительно ничего не теряете. На вырученную сумму вы можете купить какъ разъ

столько же потребныхъ вамъ товаровъ, сколько вы покупали прежде. Если же вы не пожелаете этого сдѣлать, если вы требуете, чтобы мы сбавили цѣну за свой товаръ до 50 к., а сами не пожелаете сбавить двухъ копѣекъ, то въ убыткѣ будемъ не только мы, но будете и вы. Мы сократимъ производство, ваши потребности въ нашихъ издѣліяхъ не будутъ удовлетворены, мы потеряемъ на этомъ, но и вы, съ своей стороны, будете принуждены или сократить производство, такъ какъ намъ не на что будетъ купить все то количество вашихъ товаровъ, которое вы приготовляли на нашу долю; или же вамъ придется уже самимъ понизить цѣну на ваши продукты, чтобы не было перепроизводства въ вашихъ отрасляхъ промышленности. Вы говорите, что норма вашей прибыли сократится Конечно Но вѣдь такова уже судьба нашего способа производства. Къ тому же и сократится то она только номинально. Реально, какъ вы сами отлично понимаете, вы получите какъ разъ столько же, сколько получали прежде. Повторяемъ, если вы не согласитесь на наши условія добровольно, то вновь возникшія условія рынка принудятъ васъ къ этому. Кромѣ того, вамъ прекрасно извѣстно, что мы произвели усовершенствованія, затратили относительно больше постояннаго капитала, подъ давленіемъ тяготѣвшаго надъ всѣми нами кризиса; вѣдь вы на себѣ испытали его дѣйствіе. Мы вышли изъ затрудненія, между прочимъ, при помощи усовершенствованій, удешевившихъ стоимость производства нашихъ товаровъ, которыя хотя и дали намъ возможность продавать наши товары выше ихъ индивидуальной стоимости, но мы не можемъ, тѣмъ не менѣе, реализовать прежнюю норму прибыли. Подъ вліяніемъ кризиса, только что всѣми нами пережитаго, вѣдь вы не могли выручить не только прежнюю норму прибыли, но не получали даже и той, съ которой волей неволей приходится помириться въ настоящее время всѣмъ намъ. Къ тому же надо еще прибавить (но это между нами), что мы рѣшительно ничего въ дѣйствительности не потеряемъ. Вѣдь, хотя норма прибыли и уменьшится, но размѣръ ея, по мѣрѣ удешевленія продукта и увеличенія сбыта и соотвѣтственнаго расширенія производства — возрастетъ Въ убыткѣ, право, никто изъ насъ не будетъ. А это, между тѣмъ, дастъ возможность нашимъ идеологамъ прославить наше великодушіе, готовность поступиться нашими карманными интересами ради общаго блага, утверждать, что и машины наши создаютъ стоимость, что „между человѣкомъ и машиною (въ отношеніи созданія цѣнныхъ продуктовъ) принципіальнаго различія не существуетъ“. Словомъ, мы и невинность соблюдемъ, и капиталъ пріобрѣтемъ...

Нечего и говорить, что всѣ условія, взятыя въ нашемъ гипотетическомъ примѣрѣ, въ дѣйствительности въ полномъ объемѣ никогда не могутъ быть осуществлены. Мы, напримѣръ, приняли,

что потребность въ продуктѣ каждой изъ отраслей промышленности остается прежнею; мы приняли, что 500 рабочихъ, вытѣсненныхъ машиною, эмигрировали вмѣстѣ съ освободившимся капиталомъ въ 500.000. Въ дѣйствительности, при такихъ изобрѣтеніяхъ и капиталъ, и рабочіе могутъ остаться въ странѣ для производства тѣхъ же самыхъ товаровъ, но въ большемъ количествѣ, такъ какъ вслѣдствіе удешевленія сбытъ ихъ увеличится, или для производства предметовъ, удовлетворяющихъ вновь возникшую потребность. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ установленные размѣры средней нормы прибыли будетъ зависѣть отъ размѣра капитала, затраченнаго въ новыхъ предпріятіяхъ, отъ его строенія и отъ относительной его доли во всемъ общественномъ капиталѣ.

Само собою разумѣется, что промышленность по обработкѣ волокнистыхъ веществъ, въ которой по нашему предположенію увеличилась успѣшность труда, и которая захватываетъ часть прибавочной стоимости, произведенной въ остальныхъ отрасляхъ промышленности съ низкимъ строеніемъ капитала, по мѣрѣ увеличенія производительности труда въ послѣднихъ, подвергнется той же участи, т. е. она будетъ все менѣе и менѣе въ состояніи захватывать прибавочную стоимость, произведенную въ другихъ отрасляхъ производства, и должна будетъ довольствоваться своею индивидуальною прибавочною стоимостью; другими словами, норма прибыли все болѣе и болѣе будетъ понижаться.

Мы до сихъ поръ говорили объ изобрѣтеніяхъ, которыя сокращаютъ рабочее время, необходимое для производства даннаго товара. При этомъ, вслѣдствіе увеличенія относительной доли постояннаго капитала, уменьшается норма прибыли на весь общественный капиталъ. Но можетъ произойти и обратное явленіе. Возьмемъ горную промышленность. Возможно, что въ странѣ для добыванія, скажемъ, желѣзной руды требуется все большая и большая затрата на активныхъ дѣятелей производства—на рабочихъ. Возможно, что для полученія единицы вѣса руды, окажется нужнымъ, вслѣдствіе меньшаго содержанія въ ней желѣза, большее число рабочихъ. Такое увеличеніе числа рабочихъ, при прежней потребности въ желѣзѣ и издѣліяхъ изъ него и при прежнемъ или относительно меньше возросшемъ постоянномъ капиталѣ, удорожитъ производство, требуя относительно большаго количества общественнаго рабочаго времени для добыванія единицы продукта. При прежней нормѣ прибавочной стоимости, при строеніи горнопромышленнаго капитала ниже средняго общественнаго, количество прибавочной стоимости увеличится быстрѣе увеличенія всего затраченнаго на это дѣло капитала. Слѣдовательно, увеличится и норма прибыли. Такое увеличеніе нормы прибыли привлечетъ въ эту отрасль производства новые капиталы, но при прежней потребности въ желѣзныхъ издѣліяхъ это

вызоветъ перепроизводство, а слѣдовательно, паденіе цѣнъ на нихъ. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній и послѣ приспособленія производства къ дѣйствительнымъ потребностямъ въ желѣзныхъ издѣліяхъ, цѣны ихъ остановятся на уровнѣ, обезпечивающемъ предпринимателямъ среднюю общественную норму прибыли, причемъ прибавочная стоимость, произведенная рабочими въ этой отрасли производства и превышающая среднюю норму прибыли, пойдетъ въ карманъ капиталистовъ другихъ отраслей промышленности, такъ какъ они будутъ имѣть возможность поднять цѣны на продукты своихъ предпріятій.

Итакъ, приведеніе размѣра прибыли къ средней общественной нормѣ не только не противорѣчитъ закону, опредѣляющемувеличину стоимости, но этотъ законъ прямо служитъ основаніемъ для такого приведенія. При этомъ, однако, слѣдуетъ постоянно имѣть въ виду, во-первыхъ, что капиталистическое производство есть производство товарное, т. е. производство продуктовъ для продажи, для удовлетворенія общественной въ нихъ потребности, такое, которое предполагаетъ общественное раздѣленіе труда Часть общественныхъ рабочихъ силъ, которымъ, вслѣдствіе общественнаго раздѣленія труда, приходится изготовлять опредѣленный товаръ, удовлетворяющій опредѣленную потребность въ немъ всего общества, должны вмѣсто этого товара получить эквивалентъ, выраженный въ товарахъ, удовлетворяющихъ всѣ остальныя ихъ потребности („Капиталъ“, III, 139). Во-вторыхъ, что, будучи общественнымъ, оно тѣмъ самымъ стремится урегулировать производство, взятое въ цѣломъ, распредѣляя всю сумму общественныхъ рабочихъ силъ на разныя отрасли промышленной дѣятельности въ такихъ относительныхъ размѣрахъ, какіе требуются для изготовленія каждаго рода продукта въ количествѣ необходимомъ для удовлетворенія потребности въ немъ всего общества, но потребности платящей. Такъ что на каждую изъ отраслей производства употребляется общественно-необходимое для этого рабочее время. Но, съ другой стороны, каждая изъ отраслей производства, и въ каждой отрасли производства каждое предпріятіе, будучи собственостью отдѣльнаго лица, или группы лицъ, можетъ вестись лишь при томъ условіи, если будетъ давать норму прибыли не меньшую, чѣмъ даютъ всѣ остальныя отрасли промышленности, такъ какъ непосредственная цѣль предпринимателя есть возможно большая прибыль. Въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ одной отрасли промышленности это достигается общимъ распространеніемъ наиболѣе усовершенствованныхъ въ ней способовъ производства, то есть равномѣрностью относительныхъ затратъ на постоянный и перемѣнный капиталъ Но въ разныхъ отрасляхъ промышленности, гдѣ этого сдѣлать такимъ путемъ нельзя, та же цѣль выравненія нормы прибыли достигается инымъ путемъ, при помощи соперничества капиталовъ. Произойти это можетъ лишь вслѣдствіе того, что все

производство, взятое въ цѣломъ, есть производство для удовлетворенія потребности въ его продуктахъ всего общества, и что хотя на изготовленіе продуктовъ каждой отрасли употребляется рабочее время общественно-необходимое для этого, но такъ какъ вся стоимость, вновь производимая въ каждой отрасли промышленности, распадается на стоимость, возмѣщающую стоимость затраченнаго перемѣннаго капитала, и на прибавочную стоимость, то въ силу условій капиталистическаго производства, какъ такого, которое ведется отдѣльными лицами на ихъ капиталы и вслѣдствіе конкурренціи капиталистовъ, стремящихся получить прибыль не меньшую получаемой въ остальныхъ отрасляхъ промышленности,— часть прибавочной стоимости, произведенной въ отрасляхъ производства съ низкимъ строеніемъ капитала, попадаетъ не въ руки предпринимателей именно той отрасли, въ которой она произведена, а стремится распредѣлиться между всѣми отраслями предпріятій съ относительно болѣе высокимъ строеніемъ капитала. Такъ что въ общемъ прибавочная стоимость, произведенная во всѣхъ отрасляхъ промышленности, имѣетъ стремленіе распредѣлиться между всѣми отдѣльными отраслями производства пропорціонально капитальнымъ затратамъ каждой изъ нихъ *). Слѣдовательно, вслѣдствіе общественнаго назначенія продукта капиталистическаго производства, товара, стоимость его опредѣляется количествомъ труда общественно необходимаго для его изготовленія. Это законъ. Чистое проявленіе этого закона нарушается вслѣдствіе индивидуальнаго присвоенія части его стоимости, именно прибавочной стоимости, такъ что вся сумма послѣдней, произведенная рабочими всѣхъ предпріятій, распредѣляется между капиталистами отдѣльныхъ отраслей промышленности не пропорціонально числу занятыхъ въ нихъ рабочихъ, а пропорціонально капитальнымъ затратамъ въ нихъ.

VI.

Въ тѣсной, неразрывной связи съ вопросомъ о стремленіи прибыли въ капиталистическомъ хозяйствѣ къ средней общественной нормѣ, находится вопросъ о стремленіи нормы прибыли къ уменьшенію. Марксъ это послѣднее явленіе объясняетъ тѣмъ, что при поступательной силѣ развитія капитализма строеніе ка-

*) Ни одна изъ формъ производства не выражаетъ большого стремленія къ ограниченію рабочаго времени, потребнаго для изготовленія даннаго продукта количествомъ общественно для этого небходимымъ, чѣмъ капиталистическая Но въ дѣйствительности цѣль эта достигается далеко не въ полной мѣрѣ Вслѣдствіе того, что опредѣленіе этого количества производится не прямо, а окольнымъ путемъ, на рынкѣ, масса общественныхъ рабочихъ силъ тратится даромъ: доказательство—промышленные кризисы.

питала измѣняется: относительно увеличиваются затраты на постоянный капиталъ—основной и оборотный—и уменьшаются затраты на перемѣнный капиталъ, на рабочую силу. А такъ какъ только послѣдняя производитъ прибавочную стоимость или прибыль, то вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшается также относительная величина послѣдней, предполагая, конечно, всѣ остальныя условія, т. е. степень эксплуатаціи и пр..—неизмѣняющимися.

П. Струве находитъ такое объясненіе самого факта воображаемымъ, кажущимся, мнимымъ и кромѣ того, по его мнѣнію, фактъ этотъ не имѣетъ никакого теоретическаго отношенія къ вопросу о распредѣленіи всего національнаго продукта („Braun's Archiv", B XIV, стр 732). Въ чемъ видитъ г. Струве недостаточность объясненія Марксомъ этого вопроса—намъ неизвѣстно, но когда все предыдущее было уже написано, появилась статья г. Тугана-Барановскаго въ сборникѣ, изданномъ въ пользу евреевъ, пострадавшихъ отъ неурожая, въ которой онъ доказываетъ, что Марксъ при объясненіи факта стремленія нормы прибыли къ пониженію не принялъ во вниманіе увеличивающуюся при этомъ производительность труда, удешевленіе продукта, а слѣдовательно, увеличеніе степени эксплуатаціи рабочихъ. При этомъ, по мнѣнію г. Тугана-Барановскаго, степень эксплуатаціи рабочихъ увеличивается въ прямомъ отношеніи къ увеличенію производительности труда Такъ, въ приведенномъ имъ примѣрѣ, при увеличеніи производительности труда вдвое, степень эксплуатаціи рабочаго увеличивается также въ два раза. По его мнѣнію, степень эксплуатаціи ни въ какомъ случаѣ прежнею остаться не можетъ, такъ какъ она есть только иное выраженіе производительности труда.

Посмотримъ, насколько такое утвержденіе г. Тугана-Барановскаго соотвѣтствуетъ фактамъ. Вашингтонскій департаментъ труда, подъ руководствомъ Carroll D. Wright'a, началъ съ конца 1892 года собирать данныя относительно успѣшности машиннаго труда сравнительно съ ручнымъ. Въ 1899 году онъ опубликовалъ въ двухъ томахъ обширный собранный имъ матеріалъ. Изъ массы таблицъ, которыя составляютъ главнымъ образомъ содержаніе этого изслѣдованія, нельзя точно вывести, насколько машинный трудъ производительнѣе ручного во всѣхъ отрасляхъ промышленности вмѣстѣ взятыхъ, т. е. для всей страны въ совокупности. Для этого требовалось бы сравнить успѣшность труда во всѣхъ отрасляхъ производства въ два сопоставляемые момента, при чемъ слѣдовало бы принять во вниманіе какъ *количество* производимыхъ товаровъ въ каждой изъ отраслей производства, такъ и *число* занятыхъ въ нихъ рабочихъ. Этого по отношенію къ прежнему времени сдѣлать, конечно, нельзя. Изслѣдователи ограничились, поэтому, сравненіемъ фактовъ на основаніи сохранившихся документальныхъ данныхъ. Что же оказывается? Въ огромномъ большинствѣ

случаевъ успѣшность труда повысилась въ 4, 5, 6, въ 30, 40 и болѣе разъ, т. е. рабочее время, необходимое для производства единицы продукта, уменьшилось во столько же разъ.

Распредѣливъ приблизительно (точно этого сдѣлать нельзя) всѣ отрасли общественнаго производства по относительнымъ размѣромъ потребности въ ихъ продуктахъ, по числу занятыхъ въ нихъ рабочихъ и вычисливъ алгебраическую среднюю величину повышенія успѣшности труда во всѣхъ отрасляхъ производства, получимъ приблизительно среднее увеличеніе производительности всего общественнаго труда. Оказывается, что въ С.-А.-Штатахъ средняя успѣшность общественнаго труда за послѣднія 25—30 лѣтъ увеличилась въ семь, въ восемь разъ,—быть можетъ, нѣсколько болѣе, быть можетъ, нѣсколько менѣе—т. е. на производство опредѣленнаго количества всѣхъ потребныхъ обществу продуктовъ въ настоящее время тратится труда въ семь, въ восемь разъ меньше, чѣмъ сколько его требовалось для производства того же количества продуктовъ лѣтъ 25—30 тому назадъ. Соотвѣтственно этому, по теоріи г. Туганъ-Барановскаго, степень эксплуатаціи труда должна бы увеличиться во столько же разъ. Посмотримъ-же, какое произошло измѣненіе въ этой величинѣ. Точныхъ данныхъ, относящихся ко всей странѣ и ко всѣмъ отраслямъ производства, въ американскихъ переписяхъ нѣтъ. Поэтому возьмемъ только обрабатывающую промышленность и посмотримъ, въ какую сторону направляется измѣненіе въ нормѣ прибавочной стоимости, или въ степени эксплуатаціи рабочихъ, включая въ число рабочихъ также завѣдующихъ работами, управляющихъ и пр. Такъ какъ величина погашенія основной части постояннаго капитала также неизвѣстна, то мы приняли ее въ 15%; по примѣру завѣдующаго переписью, цѣны, по которымъ покупаетъ потребитель, мы приняли на 30% выше фабричныхъ цѣнъ. Но такая равномѣрная надбавка, конечно, не измѣняетъ отношенія. Сравнивали мы данныя переписей 1880 и 1890 годовъ. Оказывается, что въ обработывающей промышленности С.-А. Штатовъ степень эксплуатаціи рабочихъ или норма прибавочной стоимости въ 1880 году выразилась въ 223%, а въ 1890 году въ 168%, т. е. что она очень замѣтно уменьшилась, относительная же доля рабочихъ во вновь произведенномъ продуктѣ повысилась; въ 1880 году рабочіе получали изъ всего вновь произведеннаго продукта около 30%, а въ 1890 году стали получать около 37%, не смотря на то, что какъ разъ за это время производительность ихъ труда повысилась особенно значительно *).

*) Хотя далеко не такъ значительно, какъ можно было бы заключить изъ только что приведенныхъ данныхъ, вслѣдствіе нѣкотораго различія въ способѣ регистраціи двухъ сравниваемыхъ переписей, на что, между прочимъ, указалъ года три тому назадъ американскій экономистъ H. Bliss въ рядѣ статей подъ общимъ заглавіемъ «Eccentric official Statistics» Перепись 1900 года,

Такимъ образомъ, теорія г. Тугана-Барановскаго, по которой норма прибавочной стоимости должна увеличиться вмѣстѣ съ увеличеніемъ производительности труда, опровергается фактическими данными.

Г. Туганъ-Барановскій упрекаетъ затѣмъ Маркса, что онъ при анализѣ условій, объясняющихъ, почему норма прибыли съ теченіемъ времени падаетъ, принимаетъ, что норма прибавочной стоимости, т. е отношеніе прибавочной стоимости къ перемѣнному капиталу, затраченному на рабочую силу, остается неизмѣнной. Но уже таково основное условіе при изслѣдованіи какихъ бы то ни было явленій. Для изученія вліянія какого-нибудь одного явленія на другое, тщательно устраняется вліяніе на послѣднее всѣхъ остальныхъ явленій, кромѣ изучаемаго, и уже потомъ, по выясненію вліянія изучаемаго явленія, приступаютъ къ изученію вліянія другихъ воздѣйствующихъ явленій. Безъ этого основного условія никогда нельзя придти къ правильнымъ выводамъ.

Г. Туганъ-Барановскій съ этимъ не согласенъ. Онъ прямо упрекаетъ Маркса, что онъ „совершенно игнорируетъ въ своемъ выводѣ закона паденія нормы прибыли всѣ эти послѣдствія (т.-е. вліяніе удешевленія продуктовъ) повышенія производительности труда. Онъ (Марксъ) исходитъ изъ предположенія неизмѣнности нормы прибавочной стоимости, между тѣмъ какъ очевидно, что измѣненіе въ данныхъ условіяхъ строенія капитала не можетъ остаться безъ вліянія на эту норму“ (Туганъ-Барановскій: „О законѣ паденія нормы прибыли Маркса“, въ названномъ Сборникѣ, стр. 331).

Самъ г. Туганъ-Барановскій при анализѣ вліянія измѣненій строенія капитала на норму прибыли не впадаетъ въ то, что считаетъ ошибкою у Маркса; онъ при изученіи этого вліянія вводитъ, какъ явленіе ему органически сопутствующее, вліяніе уменьшенія при этомъ стоимости, вмѣсто того, чтобы изслѣдовать это послѣднее вліяніе особо, по изслѣдованіи условій, требующихъ повышенія производительности труда. Вслѣдствіе этого выходитъ такой казузъ. Желая доказать свое положеніе, что вмѣстѣ съ увеличеніемъ производительности труда,—возможномъ только при относительномъ увеличеніи постоянной части капитала, и главнымъ образомъ основной, на счетъ перемѣнной,—увеличивается также норма прибавочный стоимости или относительная доля участія въ продуктѣ предпринимателя, при чемъ норма прибыли остается прежней или даже увеличивается (тамъ же стр. 333, 334),—г. Туганъ-Барановскій беретъ гипотетическій примѣръ, въ которомъ принимаетъ, что производительность труда увеличилась вдвое,

повидимому, покажетъ относительное уменьшеніе доли рабочаго, какъ это можно заключить по до сихъ поръ публикованнымъ даннымъ.

т.-е. что для производства прежняго количества всѣхъ производимыхъ предметовъ требуется только половина прежняго числа рабочихъ. При этомъ онъ находитъ, что при измѣнившихся условіяхъ производительности, когда продукты подешевѣли наполовину противъ своей прежней величины, ихъ придется на долю рабочаго класса, уменьшившагося въ числѣ наполовину, также наполовину меньше; такъ что при количествѣ всѣхъ произведенныхъ продуктовъ, уменьшившемся настолько, насколько уменьшилось число рабочихъ, теперь, послѣ увеличенія производительности труда, эти продукты, шедшіе прежде на долю рабочаго класса, останутся въ рукахъ предпринимателей и увеличатъ ихъ прибыль (Что они останутся въ рукахъ предпринимателей, т.-е не найдутъ сбыта, это такъ, но чтобы отъ этого увеличилась прибыль ихъ, это только фантазія ученаго критика) Если прежде вновь произведенный продуктъ распредѣлялся поровну между предпринимателями и рабочими, то теперь, когда половина рабочихъ исчезла и перемѣнный капиталъ обратился въ постоянный, вновь производимый продуктъ распредѣлится уже не поровну: рабочему классу достанется уже не половина, а только треть его, а двѣ трети пойдутъ въ видѣ прибыли предпринимателямъ. При такомъ предположеніи норма прибыли останется прежнею, а норма прибавочной стоимости съ 100% увеличится до 200%. „Но,—прибавляетъ г. Туганъ-Барановскій,—я сдѣлалъ въ вышеприведенномъ анализѣ (?) одно существенное допущеніе, которое, разумѣется, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности: а именно, я предположилъ, что введеніе машинъ не увеличиваетъ массы общественнаго продукта. Въ дѣйствительности же общественный продуктъ при этомъ условіи значительно возростаетъ. Такимъ образомъ, увеличеніе производительности гораздо значительнѣе, чѣмъ я принималъ въ своемъ схематическомъ построеніи;... такъ какъ фактически работа на машинахъ даетъ бо́льшую массу продукта, чѣмъ ручная работа, то норма прибыли должна вслѣдствіе роста постояннаго капитала возрасти“ (стр. 333). Стало быть, принявъ увеличеніе производительности вдвое, вслѣдствіе роста основного капитала, соотвѣтствующаго уменьшенію числа рабочихъ или перемѣнному капиталу, г. Туганъ-Барановскій сознательно допускаетъ ошибку; по его мнѣнію, надо было признать увеличеніе производительности на еще большую величину, и тогда еще болѣе увеличится доля предпринимателей въ продуктѣ, т.-е. *норма прибыли* уже не останется прежнею, а даже повысится, конечно, вслѣдствіе того, что продуктъ подешевѣетъ, а реальная плата, т.-е. количество продуктовъ, приходящихся на долю рабочихъ, останется прежнею.

Для доказательства г. Туганъ-Барановскій строитъ формулу; а что онъ въ состояніи доказать своими формулами все, что угодно, какъ, напримѣръ, возможность существованія самодо-

влѣющаго капитализма, это намъ прекрасно извѣстно. Поэтому насъ нисколько не удивила попытка его доказать построеніемъ формулы увеличеніе нормы прибыли при относительномъ увеличеніи постояннаго капитала сравнительно съ перемѣннымъ. Насколько же его „анализъ“ уясняетъ дѣло, это вопросъ другой. Посмотримъ на дѣло поближе

Считая совершенно ошибочнымъ анализъ Маркса, при изученіи вліянія относительнаго увеличенія постояннаго капитала на уменьшеніе нормы прибыли, г. Туганъ-Барановскій вноситъ въ него поправку, именно, онъ принимаетъ, что разъ производительность труда увеличилась вдвое, то вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшилась наполовину не только стоимость всѣхъ продуктовъ, но также стоимость рабочей силы. Онъ говоритъ: „реальная заработная плата рабочихъ, находящихъ себѣ занятіе и послѣ введенія машинъ, равна $\frac{a}{4}$“, если число рабочихъ уменьшилось на половину; если прежде они получали $\frac{a}{2}$, половину всего количества вновь произведеннаго продукта a, то теперь они станутъ получать $\frac{a}{4}$ т. е. четверть всего этого количества Такимъ образомъ, вмѣсто *мѣновой* стоимости, съ которой только и можно имѣть дѣло при изученіи производства и распредѣленія всего общественнаго продукта,—такъ какъ рабочіе получаютъ не машины, построенныя ими, не химическіе продукты, не пряжу, не уголь, добытые ими, а часть мѣновой ихъ стоимости, превращенную въ деньги,—онъ подставляетъ *потребительную* и принимаетъ, что при увеличеніи производительности труда вдвое, удешевляется наполовину не только весь общественный продуктъ, но также и рабочая сила Сдѣлавъ такое предположеніе, подмѣнивъ мѣновую стоимость потребительною, принявъ, что заработная плата уменьшается въ обратномъ отношеніи къ увеличенію производительности труда, т. е. принявъ, что доля рабочаго въ продуктѣ уменьшается въ обратномъ отношеніи къ увеличенію производительности труда,—словомъ, принявъ за данное то, что слѣдовало бы еще доказать, нашъ ученый критикъ приходитъ „къ совершенно обратному выводу сравнительно съ выводомъ Маркса“ (стр. 333), именно, что „*замѣщеніе рабочихъ машинами не только не имѣетъ тенденціи понизить, а скорѣе имѣетъ тенденцію повысить норму прибыли*“ (334).

При этомъ „анализъ“ г. Тугана-Барановскаго приводитъ его къ крайне оригинальнымъ выводамъ: во-первыхъ, изъ него выходитъ, что норма прибыли въ капиталистически болѣе развитыхъ странахъ должна быть выше, чѣмъ въ менѣе развитыхъ. Возможно-ли это и бываетъ-ли это въ дѣйствительности, на этотъ вопросъ едва-ли кто-нибудь, кромѣ г. Тугана-Барановскаго, дерзнетъ дать положительный отвѣтъ. Во-вторыхъ,—и это особенно остроумно и оригинально,—если предположить, что по мѣрѣ увеличенія произво-

дительности труда и при соотвѣтственномъ удешевленіи предметовъ обычнаго потребленія рабочихъ, настолько же удешевляется рабочая сила и *рабочіе получатъ реально прежнее количество продуктовъ*, то въ пользу предпринимателей останется количество продуктовъ тѣмъ большее, чѣмъ больше съ повышеніемъ производительности труда увеличивается количество производимыхъ товаровъ; такъ что норма прибыли, то есть отношеніе произведенной прибавочной стоимости къ капиталу, возросшему на всю сумму увеличенныхъ затратъ на машины, фабричныя зданія, сырой и вспомогательный матеріалъ и т. д, не только не понизится, какъ думаетъ Марксъ, а останется прежнею или даже увеличится.

Да, дѣйствительно. если принять за доказанное то, что еще требуетъ доказательства, то г. Туганъ-Барановскій вполнѣ правъ.

Быть можетъ, однако, дѣйствительно, какъ это онъ утверждаетъ, вмѣстѣ съ увеличеніемъ производительности труда и соотвѣтственнымъ пониженіемъ стоимости, а слѣдовательно, и цѣны товаровъ, входящихъ въ обычное потребленіе рабочихъ, заработная ихъ плата соотвѣтственно понижается, такъ что реальная ихъ плата, выраженная въ продуктахъ, остается безъ измѣненія.

Придется провѣрить это на фактахъ. При этомъ надо имѣть въ виду, что если заработная плата уменьшается медленнѣе, чѣмъ удешевляются товары, то реальная плата увеличивается. Если денежная плата остается прежнею при удешевленіи товаровъ, то ростъ реальной платы будетъ еще значительнѣе. Если же вмѣстѣ съ удешевленіемъ товаровъ, входящихъ въ обычное потребленіе рабочихъ, денежная плата увеличится, то покупательная сила ея соотвѣтственно увеличится еще болѣе.

Посмотримъ, что говорятъ по этому поводу факты.

Цѣны всѣхъ главнѣйшихъ предметовъ потребленія рабочаго класса, взятыхъ по относительному ихъ значенію, по даннымъ финансоваго комитета С.-А. С. Штатовъ *), въ продолженіе десятилѣтія отъ 1880 до 1891 года понизились на 18%. Въ продолженіе послѣдняго десятилѣтія прошлаго вѣка пониженіе цѣнъ на эти предметы было еще значительнѣе. Въ иныхъ случаяхъ такое пониженіе цѣнъ,—какъ, напримѣръ, ситца и другихъ матеріаловъ для одежды,—доходило до 30% **).

Что же касается до движенія заработной платы, то огромный матеріалъ, собранный департаментомъ труда въ Вашингтонѣ***),

*) Wholesale prices, wages and transportation, Washington, 1893, три тома.

**) Statistical Abstract of the United States for 1899.

***) Данныя эти собраны въ превосходныхъ отчетахъ Commissioner of Labor, именно въ 11-мъ: «Заработная плата мужчинъ, женщинъ и дѣтей» (671 стр.) и особенно въ только что вышедшемъ 15-мъ отчетѣ: «Заработная плата въ торговыхъ странахъ» (два тома въ 1642 стр.) Въ этомъ послѣд-

показываетъ, что въ значительной части торговыхъ странъ, въ особенности въ тѣхъ, гдѣ промышленность получила особенно сильное развитіе, заработная плата не только не понизилась, соотвѣтственно удешевленію предметовъ потребленія, какъ это предполагаетъ при построеніи своей схематической формулы г Туганъ-Барановскій, она не только не осталась на прежней высотѣ, что обозначало бы увеличеніе реальной платы соотвѣтственно увеличенію предметовъ потребленія, — но она увеличилась. хотя далеко не въ той мѣрѣ, какъ это утверждаютъ оптимисты идеологи капитализма. Такъ, въ Англіи въ продолженіе послѣднихъ 30 лѣтъ прошлаго вѣка въ изслѣдованныхъ отрасляхъ труда она возросла немногимъ болѣе, чѣмъ на 12%; въ Парижѣ—на 20%; въ Бельгіи на 11%; въ С.-А. Штатахъ на 11%. Но все это среднія величины изъ изслѣдованныхъ отраслей труда. Въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ повышеніе заработной платы было очень значительно; въ нѣкоторыхъ она совершенно не повысилась; а въ нѣкоторыхъ даже нѣсколько понизилась. Для точнаго опредѣленія измѣненія величины заработной платы слѣдовало бы сравнить всю сумму заработныхъ платъ, получаемыхъ соотвѣтственнымъ числомъ рабочихъ за два сравниваемые момента, извлеченную изъ подлинныхъ фабричныхъ и заводскихъ книгъ, или же сравнить всю сумму заработныхъ платъ, получаемыхъ рабочими въ каждой отрасли промышленности въ отдѣльности. Но, къ сожалѣнію, этого сдѣлать по указаннымъ источникамъ нельзя. До нѣкоторой степени этотъ пробѣлъ можно пополнить данными переписей. Это единственный матеріалъ, относящійся до всей страны и охватывающій всѣ отрасли промышленности С-А. Штатовъ. Хотя данныя переписей, относящіяся къ промышленной статистикѣ, а слѣдовательно, и къ суммѣ заработныхъ платъ, односторонни, такъ какъ записываются по показаніямъ только предпринимателей, тѣмъ не менѣе и онѣ имѣютъ относительное значеніе. Если по этимъ переписямъ сравнить среднюю заработную плату, получавшуюся всѣми рабочими Штатовъ въ 1850 и въ 1890 годахъ, то окажется, что въ 1850 году они получали по 247 долларовъ въ годъ, а въ 1890 г.—446 долларовъ, т. е. заработная плата увеличилась на 80%. Возможно, что эти данныя преувеличены, но и они имѣютъ своего

немъ отчетѣ собраны данныя относительно 88 странъ, во многихъ случаяхъ захватывающія періодъ болѣе ста лѣтъ. Очень важный матеріалъ собранъ также департаментомъ труда относительно заработной платы С.-А. Штатовъ, Великобританіи, Франціи и Бельгіи, при чемъ, что касается до первой изъ этихъ странъ, то статистики выписывали соотвѣтственныя данныя изъ подлинныхъ фабричныхъ и заводскихъ списковъ рабочихъ платъ. Это единственный источникъ, которымъ вообще пользуется департаментъ труда для полученія свѣдѣній о заработной платѣ (Срав Bulletin of the Department of Labor, 1898, № 18: Wages in the United States and Europe)

рода значеніе, показывая, подобно даннымъ, полученнымъ изъ подлинныхъ списковъ заработной платы, не уменьшеніе ея, а увеличеніе, хотя въ дѣйствительности, быть можетъ, и не столь значительное.

Такое увеличеніе фактически должно было произойти подъ вліяніемъ и экономическихъ, и физіологическихъ причинъ. При увеличеніи успѣшности труда происходитъ въ тоже время увеличеніе и его напряженности, т. е увеличивается затрата кинетической энергіи живого организма. А такъ какъ рабочій организмъ можетъ тратить только то, что имѣетъ, то для возстановленія большей затраченной энергіи въ формѣ механической работы, рабочій долженъ лучше питаться и пр., иначе съ каждымъ послѣдующимъ днемъ онъ будетъ приступать къ работѣ съ меньшимъ и меньшимъ запасомъ энергіи. Для того же, чтобы рабочій могъ лучше питаться, заработная его плата должна повыситься. А такъ какъ при увеличеніи напряженности труда увеличивается и выдѣлка, то вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ давленіемъ рабочихъ организацій, увеличивается и заработная плата. Но, съ другой стороны, увеличеніе напряженности труда имѣетъ свои органическіе предѣлы, дойдя до которыхъ работо-способность организма быстро падаетъ. Вотъ почему увеличеніе напряженности труда требуетъ сокращенія продолжительности рабочаго дня.

Въ организмѣ (точно также и въ обществѣ) времена кажущагося покоя въ дѣйствительности суть періоды работы, въ продолженіе которыхъ перерабатываются и накопляются въ немъ неустойчивыя вещества для времени дѣятельности. „Совершенно подобно тому, какъ проявленіе блестящей умственной дѣятельности великаго оратора есть результатъ молчаливой работы въ продолженіе его жизни, точно также физическое проявленіе мускульной силы есть результатъ молчаливой подготовительной работы мышечныхъ клѣтокъ... Только этимъ путемъ органы въ состояніи дѣйствовать подъ вліяніемъ побудительныхъ причинъ. Это—заряженная батарея, готовая разрядиться подъ вліяніемъ самаго ничтожнаго органическаго соприкосновенія“. (Проф. C Lloyd Morgan: Animal Behaviour. London, 1901, p. 23) *). Но для заряженій этой органической батареи требуется опредѣленное количество опредѣленнаго качества матеріала (т. е. въ наиболѣе усвояемомъ видѣ), пищи, напр., и опредѣленное время покоя, отсутствія физической дѣятельности, для возстановленія тратъ и накопленія запаса неустойчивыхъ веществъ для послѣдующей работы. При недостаточности того и другого послѣдующая дѣятельность организма, какъ рабочаго механизма, неизбѣжно падаетъ. И наоборотъ, при питаніи вполнѣ достаточномъ для возстановле-

*) Срав также *И. М. Сѣченовъ*: *Очеркъ рабочихъ движеній человѣка*. Москва 1901, стр 133—139

нія тратъ и при періодическомъ покоѣ, вполнѣ достаточномъ для внутренней работы организма, механическая дѣятельность послѣдняго, напряженность труда, въ опредѣленныхъ предѣлахъ повышается настолько, что человѣкъ въ меньшее количество рабочаго времени въ состояніи произвести, при прочихъ одинаковыхъ условіяхъ, большее количество продуктовъ

И, дѣйствительно, мы видимъ такое на первый взглядъ парадоксальное явленіе, что, чѣмъ продолжительнѣе рабочій день, тѣмъ заработная плата ниже *). Вотъ соотвѣтственныя данныя, относящіяся къ 30 ткацкимъ фабрикамъ Москвы, которыя были сгруппированы по свѣдѣніямъ, собраннымъ д-ромъ Песковымъ въ приложеніи къ его изслѣдованію „Санитарнаго положенія фабрикъ въ г. Москвѣ“ (Москва, 1882 Подробности читатель можетъ найти въ нашей замѣткѣ въ Юридич. Вѣстникѣ 1889, № 3. стр. 532—537).

Число фабрикъ	Число рабочихъ	Рабочій день, часы.	Рабочая платэ въ мѣсяцъ:	Рабочая платэ за часъ въ мѣсяцъ:	Обхватъ груди провышаетъ полуростъ въ сантиметрахъ.
			р у б л я.		
17	1862	14 06	17.68	1.25	2.88
13	1561	13	19.98	1 53	3 62

У ткачей первой группы фабрикъ рабочій день длиннѣе, болѣе чѣмъ на часъ или слишкомъ на 8%, а заработная плата за мѣсячный часъ на 22% меньше, чѣмъ у ткачей второй группы. Вслѣдствіе этого и питаніе, и физическое развитіе ихъ, выражающееся въ плохомъ развитіи грудной клѣтки, гораздо хуже.

Такъ вотъ и этотъ моментъ, заставляющій повышаться рабочую плату, вслѣдствіе увеличенія напряженности труда, совершенно упущенъ г. Туганъ-Барановскимъ. Нечего и говорить, что даже при прежней рабочей платѣ и даже уменьшающейся, но при относительно быстрѣе возрастающихъ затратахъ на основной капиталъ, норма прибыли всетаки понизится.

Такимъ образомъ, „анализъ“ г. Тугана-Барановскаго, основанный на построеніи алгебраической формулы, кажущейся для него „неотразимой“ (стр. 333), не выдерживаетъ ни фактическаго, ни теоретическаго испытанія Фактически онъ опровергается данными промышленныхъ странъ вообще и С.-Штатовъ въ

*) При меньшей жизнедѣятельности организма, меньшей работоспособности его, а, слѣдовательно, и меньшей выработкѣ, удлиненіе рабочаго дня представляется кажущеюся возможностью выработать больше, но при еще большей вслѣдствіе этого затратѣ рабочихъ силъ работоспособность понижается еще болѣе, а вмѣстѣ съ нею и выработка, а слѣдовательно, и заработная плата

частности; теоретически онъ не вѣренъ потому, что основывается на смѣшеніи понятій мѣновой и потребительной стоимости.

Намъ прекрасно извѣстно, что С.-американская промышленная жизнь представляетъ своеобразныя особенности; что въ нѣкоторыхъ случаяхъ сравнивать данныя переписей за разное время безъ поправокъ нельзя; что выводы, полученные при изученіи американскихъ отношеній нельзя прилагать ко всѣмъ странамъ безъ разбора. Но мы этого и не намѣрены были дѣлать. Мы имѣли въ виду указать на то направленіе, по которому идетъ хозяйственная жизнь подъ вліяніемъ увеличенія успѣшности труда, при совершенно опредѣленныхъ, при томъ крайне благопріятныхъ условіяхъ. Быстрота этого движенія въ разныхъ странахъ можетъ быть разною, какъ это показываетъ данныя другихъ промышленныхъ странъ, но направленіе его подъ вліяніемъ экономическихъ и иныхъ условій болѣе или менѣе одинаково Хотя при неблагопріятно слагающихся общественныхъ и хозяйственныхъ условіяхъ такое движеніе можетъ не только замедлиться, не только остановиться, но даже пойти назадъ; но это будетъ уже частнымъ случаемъ, происходящимъ при совершенно опредѣленныхъ, при томъ неблагопріятныхъ хозяйственныхъ общественныхъ условіяхъ, а не правиломъ, не „закономъ“, какъ думаетъ г. Туганъ-Барановскій.

Изъ всего этого, конечно, не слѣдуетъ, что норма прибыли, дѣйствительно, постоянно изъ года въ годъ падаетъ въ капиталистическомъ хозяйствѣ. Нѣтъ. Есть множество условій, которыя и перечисляетъ Марксъ, не только задерживающихъ ея паденіе, но по временамъ повышающихъ ея величину. Какъ разъ за послѣдніе годы особенно обострилось дѣйствіе обстоятельствъ, то задерживающихъ ея паденіе, то способствующихъ ему. И тѣ, и другія всегда въ наличности. Но при изученіи общей тенденціи и тѣ, и другія оставляются въ сторонѣ, совершенно не принимаются въ разсчетъ, а вводятся впослѣдствіи поочередно, чтобы изучить вліяніе каждаго изъ нихъ. Только г. Тугану-Барановскому могла придти въ голову мысль принять частный случай за общій „законъ“ и за доказанное то, что еще требуетъ доказательства, чтобы затѣмъ съ торжествующимъ видомъ утверждать, что онъ доказалъ то, что принялъ за доказанное. Онъ не видитъ своего методологическаго промаха.

Такъ какъ изъ „неотразимаго анализа“ г. Тугана-Барановскаго выходитъ, что по мѣрѣ увеличенія производительности труда денежная заработная плата на столько же падаетъ, то оказывается, что онъ строго придерживается давнымъ давно заброшеннаго ученія о „желѣзномъ законѣ“, опредѣляющемъ величину заработной платы. Онъ опредѣляетъ величину стоимости рабочей силы совершенно той же мѣрой, какою опредѣляется величина стоимости аршина ситца. Онъ въ полномъ смыслѣ слова считаетъ

людей товаромъ. Онъ забываетъ, что предполагаемое имъ увеличеніе производительности всего общественнаго труда вдвое не происходитъ и не можетъ произойти сразу, что для этого требуется болѣе или менѣе продолжительное время, въ теченіе котораго въ промышленно-развитыхъ странахъ рабочіе не остаются, да и не могутъ оставаться пассивными зрителями предполагаемыхъ г. Туганъ-Барановскимъ всегда успѣшныхъ попытокъ предпринимателей уменьшить ихъ денежную заработную плату соотвѣтственно удешевленію предметовъ ихъ обычнаго потребленія. Воззрѣніе его на заработную плату является, такимъ образомъ, по рѣзкому выраженію Маркса, ученіемъ раба, который проповѣдуетъ рабочимъ, что потребленіе ихъ остается и должно всегда остаться на одномъ уровнѣ...

Г. Туганъ-Барановскій, являясь въ своемъ „анализѣ“ приверженцемъ „желѣзнаго закона“ заработной платы, оказывается вмѣстѣ съ тѣмъ крайнимъ защитникомъ ученія о прогрессивномъ обѣдненіи рабочихъ классовъ. Этотъ выводъ есть необходимое слѣдствіе его утвержденія, что по мѣрѣ увеличенія производительности труда настолько же увеличивается степень эксплуатаціи рабочихъ, то есть настолько-же уменьшается доля ихъ участія въ стоимости вновь произведенныхъ ими продуктовъ... Слѣдовательно, въ этомъ онъ рѣзко расходится съ г. Струве.

Весь этотъ рядъ выводовъ есть слѣдствіе основной его ошибки—смѣшенія мѣновой и потребительной стоимости. Мало того, на этомъ промахѣ онъ основываетъ свою критику, уничтожающую категорію прибавочной стоимости Маркса. По его мнѣнію, теорія прибавочной стоимости заключаетъ въ себѣ внутреннюю антиномію... Антиномія эта заключается въ слѣдующемъ: теорія прибавочной стоимости, исходя изъ теоріи трудовой стоимости, приходитъ къ противоположенію живого труда, какъ единственнаго фактора прибыли, мертвому труду; между тѣмъ какъ трудовая теорія мѣновой стоимости убѣждаетъ г. Тугана-Барановскаго, что движеніе нормы прибыли не имѣетъ ничего общаго съ измѣненіемъ строенія капитала. „Строеніе капитала можетъ повыситься въ любыхъ размѣрахъ—роль живого труда можетъ неограниченно падать—при полной неизмѣнности или даже при повышеніи нормы прибыли. (Конечно, если вмѣстѣ съ г. Туганъ-Барановскимъ принять, что норма эксплуатаціи рабочаго увеличивается соразмѣрно съ повышеніемъ производительности его труда). Отсюда слѣдуетъ, продолжаетъ г. Туганъ Барановскій, что противопоставленіе живого труда мертвому, по отношенію къ явленіямъ прибыли, не имѣетъ никакого экономическаго смысла“... Такъ что весь „Капиталъ“, основанный на этомъ положеніи, является въ глазахъ „марксиста“ г. Тугана-Барановскаго безсмыслицей. Въ этомъ г. Туганъ-Барановскій вполнѣ солидаренъ съ г. Струве, который уже раньше его открылъ, что дѣленіе ка-

питала на постоянный и перемѣнный въ экономическомъ смыслѣ вводитъ только въ заблужденіе... Въ глазахъ и того, и другого выдѣленіе *субъективнаго* фактора *общественнаго* процесса производства, того фактора, который составляетъ основное звено цѣпи *общественныхъ* экономическихъ отношеній, того единственнаго активнаго фактора, дѣятельностью котораго только и обусловливается жизнь какъ индивидуальная, такъ и общественная, т. е. всѣ экономическія и общественныя отношенія; выдѣленіе доли рабочаго класса изо всей суммы произведенныхъ продуктовъ и отношеніе этихъ долей одной къ другой, обусловленное всѣмъ складомъ, всѣмъ строемъ даннаго способа производства, все это „не имѣетъ никакого экономическаго смысла“..

Теорія прибавочной стоимости,—такъ заканчиваетъ свою ученую критику г. Туганъ-Барановскій,—сводится къ тавтологіи: понятное дѣло, что если назвать стоимостью „кристализованный въ продуктѣ трудъ“, то и прибавочная стоимость будетъ „кристализованнымъ трудомъ „присвоеннымъ капиталистомъ“. (Тамъ же стр. 336).

Кажется, проницательности нашего критика дальше идти некуда. Онъ смѣшиваетъ два совершенно разные вопроса. Съ одной стороны, Марксъ показываетъ, что вся сумма общественныхъ рабочихъ силъ распредѣляется на производство разнаго рода продуктовъ соотвѣтственно общественной потребности въ каждомъ изъ нихъ, при данной степени производительности общественнаго труда. Вслѣдствіе общественнаго характера капиталистическаго производства, вслѣдствіе того, что продукты каждой изъ отраслей промышленности производятся для продажи, для обмѣна при помощи денегъ на продукты другихъ отраслей промышленности, вслѣдствіе того, что предметы, находимые въ природѣ, могутъ быть приспособлены для цѣлей человѣческаго существованія, пользуясь свойствами этихъ предметовъ и силами природы, только при помощи труда,—мѣриломъ мѣновой стоимости при такихъ взаимныхъ обмѣнахъ одного рода продукта на продуктъ другого рода становится количество труда, общественно-необходимаго для ихъ производства Въ этомъ смыслѣ мѣновая стоимость есть сгустокъ труда, кристализованный трудъ. Это основной вопросъ общественно-хозяйственной дѣятельности человѣка. Съ другой стороны, возникаетъ вопросъ: чѣмъ опредѣляется доля участія каждаго изъ общественныхъ классовъ въ продуктѣ всего общественнаго производства? Въ капиталистическомъ хозяйствѣ одинъ изъ классовъ, непосредственные производители, рабочіе, не обладаютъ средствами для производства предметовъ, необходимыхъ для ихъ существованія, такъ какъ они сосредоточены въ рукахъ капиталистовъ; поэтому то средства для своего существованія они могутъ пріобрѣсти не иначе, какъ купивъ ихъ; купить же они могутъ только что-нибудь продавъ;

продаютъ они только то, что у нихъ есть, именно свою рабочую силу капиталистамъ-предпринимателямъ. Для возмѣщенія стоимости этой силы, она должна проявиться въ какой-нибудь полезной для общества работѣ, дѣйствовать ежедневно въ продолженіе опредѣленнаго количества времени, производя какіе-нибудь полезные для общества предметы Но капиталистъ, купивъ рабочую силу, пользуется ея потребительною стоимостью, трудомъ, источникомъ мѣновой стоимости, по величинѣ большей, чѣмъ стоимость купленной имъ рабочей силы, создаваемой при помощи принадлежащихъ ему орудій труда и сырого матеріала; онъ не довольствуется количествомъ такого труда, который производитъ полезные предметы, по своей мѣновой стоимости равные лишь эквиваленту мѣновой стоимости рабочей силы или тѣхъ предметовъ, которые, сообразно даннымъ общественнымъ привычкамъ, обычаямъ необходимы для существованія рабочихъ Рабочіе, производя этотъ эквивалентъ въ продолженіе части рабочаго дня, должны проработать еще нѣкоторое болѣе или менѣе продолжительное время, въ теченіе котораго производятъ тѣ же полезные предметы, но мѣновая стоимость которыхъ представляетъ доходъ капиталиста. Одну часть рабочаго дня, въ продолженіе которой производится эквивалентъ стоимости рабочей силы, Марксъ называетъ необходимою, точно также называетъ онъ и стоимость, произведенную въ продолженіе этого времени. Другую часть рабочаго дня, равно какъ стоимость, произведенную въ продолженіе этой части, онъ называетъ прибавочною.

Такимъ образомъ въ продолженіе всего рабочаго дня производится все количество предметовъ, необходимыхъ для общества. Мѣновая стоимость этихъ предметовъ опредѣляется количествомъ труда общественно-необходимымъ для ихъ производства. Но при этомъ часть рабочаго дня употребляется на производство товаровъ, полезныхъ для общества предметовъ, по мѣновой стоимости равныхъ мѣновой стоимости средствъ существованія рабочихъ, и которую капиталистъ затратилъ въ видѣ перемѣннаго капитала, въ видѣ заработной платы рабочимъ. Остальная часть рабочаго дня употребляется на производство предметовъ, мѣновая стоимость которыхъ составляютъ доходъ капиталистовъ.

Стало быть, если доказано, что весь общественный продуктъ съ точки зрѣнія мѣновой стоимости есть кристаллизованный трудъ, то, конечно, вмѣстѣ съ этимъ также доказано, что каждая изъ частей этого продукта представляетъ точно также кристаллизованный трудъ. Но величина стоимости даннаго продукта опредѣляется количествомъ труда, общественно-необходимымъ для его производства, а прибавочная стоимость опредѣляется величиною всей стоимости за вычетомъ необходимой. Въ первомъ случаѣ рѣчь идетъ о величинѣ мѣновой стоимости всего общественнаго продукта, а во второмъ—о распредѣленіи этой величины между

различными общественными классами, и объ условіяхъ, опредѣляющихъ величину каждой изъ долей. И эти-то два совершенно разные вопроса нашъ проницательный критикъ считаетъ тождественными...

VII.

Мы, такимъ образомъ, приходимъ къ выводу, что Марксъ совершенно не оправдалъ ожиданій нашихъ „марксистовъ“. По мнѣнію г. Струве, законъ, опредѣляющій величину стоимости, данный Марксомъ въ I томѣ „Капиталъ“, не вяжется съ тѣми ограниченіями его, которыя даются въ III томѣ. Но такова, къ прискорбію, участь всѣхъ „законовъ“ физическихъ и общественныхъ явленій. Они дѣйствительны въ полной силѣ только при одномъ условіи, именно, когда вліяніе всѣхъ воздѣйствующихъ на нихъ явленій устранено. Въ данномъ случаѣ воздѣйствующія вліянія пріобрѣтаютъ особенное значеніе, вслѣдствіе того, что капиталистическое производство, будучи общественнымъ по назначенію своихъ продуктовъ, есть въ тоже время частное по присвоенію прибавочной стоимости, которая вслѣдствіе этого стремится распредѣлиться соразмѣрно затратамъ капиталовъ въ каждой изъ отраслей промышленности, а не остается въ рукахъ капиталистовъ тѣхъ отраслей промышленности, въ которыхъ она была произведена *). Идя дальше, г. Струве приходитъ къ отрицанію опредѣленія величины прибавочной стоимости продукта однимъ человѣческимъ трудомъ, такъ какъ, по его мнѣнію, эксплуатація человѣка человѣкомъ и эксплуатація лошади человѣкомъ объективно одна отъ другой ничѣмъ не отличаются. Онъ только забываетъ, что эксплуатація человѣка человѣкомъ есть вопросъ общественно-экономическій, вопросъ, которымъ опредѣляются общественныя отношенія между людьми, а эксплуатація лошади человѣкомъ не входитъ въ кругъ общественныхъ экономическихъ вопросовъ, такъ какъ лошадь не входитъ въ число членовъ людского общества

Затѣмъ мы видимъ, что г. Струве, а за нимъ еще въ большей степени г. Туганъ-Барановскій считаютъ Марксово рѣшеніе „закона“ уменьшенія нормы прибыли во времени чисто воображаемымъ, мнимымъ. Но при „анализѣ“ этого закона г. Туганъ-Барановскій обнаруживаетъ такое смѣшеніе разнородныхъ понятій, такой недопустимый методологическій промахъ, что можно только удивляться той путаницѣ мыслей, какая обнаруживается у него, когда онъ предполагаетъ неизмѣнность и даже уменьшеніе доли рабочаго класса во вновь произведенномъ продуктѣ, по мѣрѣ

*) Совершенно подобно закону хотя бы тяготѣнія, когда тѣло падаетъ, если ему ничто не препятствуетъ падать. И мягкій кусокъ желѣза поднимается, притягиваемый электромагнитомъ, и падаетъ, какъ только большая энергія, требуемая для притяженія его, перестаетъ затрачиваться.

увеличенія производительности общественнаго труда, постоянный ростъ степени эксплуатаціи рабочаго соразмѣрной съ такою возростающею производительностью и даже превосходящей ее. Хотя предположеніе это опровергается какъ фактами, такъ и теоретическими соображеніями, но тѣмъ не менѣе г. Туганъ-Барановскій весь свой „анализъ“ строитъ на немъ.

Затѣмъ, г. Туганъ-Барановскій идетъ дальше г. Струве и въ томъ смыслѣ, что включаетъ въ число членовъ человѣческаго общества уже не только животныхъ, лошадей, какъ это дѣлаетъ г. Струве, а также машины. „Человѣкъ и машина въ этомъ отношеніи (въ созданіи цѣнныхъ предметовъ) вполнѣ эквивалентны“,—говоритъ онъ,—„принципіальнаго различія между человѣкомъ и машиной не существуетъ“...

Такимъ образомъ, и тотъ, и другой „марксистъ“ въ основу своей критики теоріи стоимости и прибавочной стоимости Маркса положили не тѣ общественно-хозяйственныя отношенія, которыя возникаютъ между людьми вслѣдствіе необходимости производить предметы для своего существованія, а отношенія между человѣкомъ и природою, между субъективнымъ и объективнымъ факторами производства. Общественныя экономическія отношенія подразумѣваютъ исключительно взаимныя отношенія между людьми, обусловленныя необходимостью поддерживать ихъ существованіе. Отношеніе между человѣкомъ и природою, возникающее на почвѣ хозяйственныхъ цѣлей, для ея эксплуатаціи, составляетъ предметъ особой научной дисциплины, технологіи въ обширномъ смыслѣ слова, развитіе которой, обусловленное въ свою очередь развитіемъ естествознанія, имѣетъ вліяніе на возможность болѣе широкаго удовлетворенія большаго числа потребностей человѣка. Джоуль и Робертъ Майеръ, доказавшіе эквивалентность затрачиваемой теплоты и производимой ею работы, положили основаніе для научнаго пониманія предѣловъ полезнаго дѣйствія машинъ, а слѣдовательно, и для ихъ постройки. Трудомъ этихъ ученыхъ капиталисты пользуются даромъ. Постройкою машины человѣкъ имѣетъ цѣлью использовать для производства энергію, пропадавшую для него до тѣхъ поръ даромъ. Трудъ, потраченный человѣкомъ для разведенія животныхъ или для постройки машинъ, входитъ элементомъ въ стоимость продуктовъ, произведенныхъ при ихъ помощи. Но ни животная сила, ни теплота, ни свѣтъ, ни энергія тяготѣнія, ни электрическая и ни какая иная энергія въ мѣновую стоимость товара не входитъ и входить не можетъ. Такъ какъ въ мѣновой стоимости исключительно выражается общественно-хозяйственная связь, отношеніе количества труда, требуемаго обществомъ для производства продуктовъ, то въ ней нѣтъ и не можетъ быть никакого природнаго содержанія. Открытіе возможности пользоваться силами природы является для капиталиста даровымъ продуктомъ общественнаго развитія. Для всего

общества это развитіе, конечно, даромъ не дается. А если за него приходится платить и капиталисту, то это дѣлается въ видѣ болѣе высокой заработной платы лицамъ, завѣдующимъ техническою стороною производства. Но чѣмъ общераспространеннѣе становятся научныя и техническія знанія, тѣмъ является большая возможность найти лицъ, удовлетворяющихъ предъявляемыя къ нимъ требованія технической подготовки, а слѣдовательно, является возможность меньше платить за ихъ работу.

Итакъ, технологія занимается отношеніемъ человѣка къ природѣ для хозяйственныхъ его цѣлей, для большей эксплуатаціи ея, а экономическая наука занимается исключительно отношеніями людей между собою, вызванными необходимостью приспособлять, при помощи техническихъ знаній, внѣшніе предметы къ потребностямъ человѣческаго существованія. Сосредоточеніе средствъ производства въ одномъ изъ общественныхъ классовъ, предоставляющее ему возможность большаго использованія, при помощи технически подготовленныхъ силъ, даровыхъ силъ природы, для пріобрѣтенія большаго хозяйственнаго преимущества сравнительно съ другими общественными классами, можетъ усилить общественный антагонизмъ между ними, обострить общественно хозяйственныя отношенія Но самыя эти отношенія слагаются исключительно между людьми, подъ давленіемъ необходимости поддерживать существованіе, измѣняясь вслѣдствіе измѣненія условій, при которыхъ овеществляется трудъ, необходимый для поддержанія существованія человѣка.

Необходимость питаться, одѣваться и пр. заставляетъ заниматься земледѣліемъ, обрабатывающею и добывающею промышленностью. Общественно-хозяйственныя условія, при которыхъ удовлетворяется эта необходимость, образуетъ хозяйственную связь между людьми, которая составляетъ предметъ изученія политической экономіи.

Отъ развитія науки и ея приложеній, отъ развитія, значитъ, техническихъ знаній, зависитъ количество зерновыхъ и волокнистыхъ веществъ, получаемыхъ и перерабатываемыхъ единицею человѣческой рабочей силы въ единицу времени.

Но отношенія общественныхъ рабочихъ силъ между собою и къ владѣльцамъ средствъ производства; распредѣленіе ихъ на разныя отрасли производства въ зависимости отъ общественной потребности въ продуктахъ каждой изъ нихъ; количество труда, потраченнаго на производство каждаго рода продукта въ требуемомъ обществомъ количествѣ, при данномъ развитіи техническихъ знаній; распредѣленіе всего продукта, произведеннаго всею суммою общественныхъ рабочихъ силъ между различными общественными классами,—все это отношенія чисто общественныя, составляющія предметъ изученія политической экономіи. Объективные факторы производства разсматриваются въ политической экономіи

лишь настолько, насколько они служатъ носителями субъективныхъ факторовъ, насколько за ними скрываются общественныя отношенія между людьми. Орудія труда, силы природы, которыми человѣкъ пользуется для приспособленія предмета труда (т.-е. земли, выдѣлываемаго издѣлія и пр.), къ удовлетворенію своихъ потребностей, увеличиваютъ количество этихъ предметовъ; но распредѣленіе этого увеличеннаго количества между различными общественными классами и количество человѣческихъ рабочихъ силъ, общественно-необходимыхъ для ихъ производства, ихъ стоимость, опредѣляется исключительно общественно-хозяйственными отношеніями. Силы природы и орудія труда, уменьшая трудъ общественно-необходимый для производства продуктовъ, не создаютъ и не могутъ создать ни *мѣновой* стоимости, величина которой опредѣляется исключительно *общественно* хозяйственными условіями, т.-е. количествомъ человѣческаго труда *общественно* необходимаго для производства этихъ предметовъ, ни *прибавочной* стоимости, величина которой опредѣляется опятьтаки исключительно общественно-хозяйственными отношеніями, т.-е. отношеніемъ избытка всего рабочаго времени, общественно необходимаго для производства предмета, сравнительно съ тѣмъ, какое необходимо для производства эквивалента стоимости рабочей силы.

Итакъ, въ опредѣленіе величины *мѣновой стоимости* товара, этого основного элемента капиталистической общественно-хозяйственной организаціи, не можетъ входить элементомъ ни вещественное содержаніе товара,—такъ какъ при этомъ сопоставляются два совершенно несоизмѣримыя отношенія: опредѣленное *общественное* отношеніе производства — мѣновая стоимость, съ одной стороны, и потребительная стоимость, вещь—съ другой (Капиталъ, III, 676); ни субъективная оцѣнка, предѣльная полезность, какъ это желали представить и г. Бернштейнъ, и г. Струве, сближая теорію трудовой стоимости съ теоріей предѣльной полезности Джевонса и австрійской школы.

Вопросъ о роли субъективнаго элемента въ опредѣленіи величины мѣновой стоимости живо напоминаетъ вопросъ о свободѣ воли въ психологіи.

Если все поведеніе человѣка, вся его дѣятельность опредѣляется не какою-то самопроизвольною, самодовлѣющею духовною сущностью, не признающею никакой естественной причины, не подчиняющейся никакому закону, не имѣющей никакого соотношенія къ веществу,—а есть результатъ воздѣйствія природной и общественной среды на слагающійся характеръ даннаго лица, черезъ посредство его мозга,—то тѣмъ меньше можетъ опредѣляться субъективной оцѣнкой величина *мѣновой* стоимости, которая есть результатъ воздѣйствія на индивидуальную дѣятельность гораздо болѣе сложнаго сочетанія общественно-хозяйственныхъ

отношеній, находящихся совершенно внѣ контроля отдѣльной личности. Подобно тому, какъ понятіе о свободѣ воли совершенно недопустимо вслѣдствіе того, что оно предполагаетъ, будто человѣкъ дѣйствуетъ не по закону причинности, не вслѣдствіе того, что его мозговая дѣятельность, реагируя на внѣшнія природныя и общественныя условія, вызываетъ соотвѣтственные поступки *); не вслѣдствіе того, что строеніе мозга даннаго лица, унаслѣдованное отъ многихъ поколѣній его предковъ, слагавшееся подъ вліяніемъ этихъ внѣшнихъ условій, которыя и формируютъ характеръ человѣка, опредѣляютъ его дѣятельность (вспомнимъ щедринскаго „Бѣднаго волка“); если дѣйствія человѣка опредѣляются не всѣмъ этимъ, а велѣніями духовной сущности, свободной воли, независимой отъ закона причинности, не характеромъ человѣка, реализующимъ всѣ особенности совершающихся обстоятельствъ,—то онъ перестаетъ быть отвѣтственнымъ за нихъ, не онъ ихъ совершилъ. Такимъ образомъ, подобно тому, какъ внесеніе понятія свободы воли въ человѣческую дѣятѣльность дѣлаетъ человѣка неотвѣтственнымъ за его поступки: самопроизвольная воля, исключая законъ причинности, лишаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ психологію научнаго основанія; точно также внесеніе въ опредѣленіе величины *мѣновой* стоимости субъективнаго фактора, предѣльной полезности или природнаго содержанія, въ видѣ силъ природы или вещественныхъ ея элементовъ,—лишаетъ научнаго основанія политическую экономію, такъ какъ вноситъ въ чисто общественныя отношенія, къ каковымъ принадлежитъ *мѣновая стоимость*, элементы, или исключающіе законъ причинности, или такіе, которые, находясь внѣ области общественныхъ отношеній, совершенно несоизмѣримы съ ними.

По мѣрѣ развитія умственныхъ способностей человѣка, по мѣрѣ болѣе глубокаго пониманія связи явленій природныхъ и общественныхъ, какъ въ ихъ послѣдовательности, такъ и въ сосуществованіи, пріобрѣтаемаго житейскимъ и научнымъ опытомъ и наблюденіемъ,—формируются новыя состоянія сознанія **), вслѣдствіе чего данное лицо получаетъ возможность болѣе цѣлесообразно реагировать на вліяніе этихъ явленій; при чемъ волѣ человѣка предоставляется большая свобода, но свобода, попрежнему ограниченная природными и общественными вліяніями. По мѣрѣ увеличенія производительности труда, обусловленной точно также большимъ умственнымъ и общественнымъ развитіемъ человѣка, увеличивается количество благъ, которыми можетъ пользоваться человѣкъ для удовлетворенія своихъ потребностей, опредѣ-

*) Вслѣдствіе чего важнѣйшею заботою воспитателя является культивированіе привычки правильно наблюдать и правильно мыслить, обученіе тому, какъ наблюдать, какъ мыслить и сохранять въ памяти.

**) Понимая это слово, конечно, не въ метафизическомъ, а какъ видно изъ только-что сказаннаго,—въ научномъ смыслѣ.

ляемыхъ субъективно. Субъективною оцѣнкою опредѣляется потребительная стоимость, полезность вещи для потребностей человѣка. Но степень удовлетворенія этихъ потребностей въ количественномъ и качественномъ отношеніи находится въ полной зависимости отъ объективныхъ условій, отъ достигнутой степени производительности труда и отъ формы общественнаго производства. Такъ что мѣновая стоимость,—которая есть косвенное выраженіе количества труда, затраченнаго на производство опредѣленнаго продукта въ количествѣ, опредѣляемомъ потребностью въ немъ капиталистическаго общества,—находится въ полной зависимости отъ объективныхъ условій производства. При данномъ количествѣ человѣческихъ рабочихъ силъ въ данномъ обществѣ валовая мѣновая стоимость произведенныхъ продуктовъ не измѣняется, какъ бы, при прочихъ одинаковыхъ условіяхъ, ни увеличивалась или ни уменьшалась производительность труда. Измѣненіе общественной производительности труда вызываетъ измѣненіе количества и рода производимыхъ продуктовъ, а не валовой стоимости. Такимъ образомъ, если въ предѣлахъ, даваемыхъ производительностью труда, субъективною оцѣнкою и опредѣляется полезность вещи для человѣка, то въ мѣновую стоимость, во взаимное мѣновое отношеніе произведенныхъ продуктовъ, собственная оцѣнка входить не можетъ, и опредѣляется она исключительно общественно-хозяйственными отношеніями, совершенно независимыми отъ субъективной оцѣнки. Приведемъ еще нѣкоторыя соображенія, которыя дадутъ возможность еще болѣе выяснить нашу общую точку зрѣнія.

Человѣкъ, какъ существо, съ одной стороны живое, а съ другой общественное, подчиняется соотвѣтственно двоякаго рода вліянію: необходимости существованія физическаго и необходимости существованія общественнаго. Относительное вліяніе послѣдняго вмѣстѣ съ общественнымъ развитіемъ становится все болѣе и болѣе значительнымъ. Дарвинъ, въ третьей главѣ своего труда „Происхожденіе человѣка“ *), замѣчательной по глубинѣ мысли и ясности изложенія, доказываетъ, что всѣ соціальныя чувства человѣка возникаютъ вслѣдствіе необходимости отдѣльныхъ членовъ человѣческихъ группъ—классовъ, семействъ, родовъ, общинъ—подчинять непосредственныя и болѣе острыя чувства и инстинкты общественнымъ для достиженія опредѣленныхъ выгодъ этихъ группъ въ ихъ борьбѣ за существованіе. Соціальныя чувства, навязываемыя человѣку для блага данной общественной группы ея членами,—совмѣстной работой, взаимной помощью, подражаніемъ, порицаніемъ однихъ поступковъ и одо-

*) Срав. C Lloyd Morgan: *Animal Behaviour* (London 1900), главу Social Behaviour, S. Evolution of Social Behaviour, стр. 232—235; а также проф. W. Clifford: *Lectures and Essays*, Vol. II: «On the scientific Basis of Morals».

бреніемъ другихъ,—развиваются затѣмъ въ нравственное чувство, совѣсть, такъ что уже первобытный человѣкъ при своемъ умственномъ развитіи былъ въ состояніи видѣть и сравнивать результаты прежнихъ своихъ поступковъ общественнаго характера и понимать болѣе отдаленныя ихъ послѣдствія. Съ теченіемъ времени чувства эти пріобрѣтаютъ характеръ инстинкта, невыполненіе велѣній котораго вызываетъ чувство неудовлетворенности, а нарушеніе—или чувство сожалѣнія, или въ болѣе высокой степени—угрызеніе совѣсти, а слѣдовательно, и отвѣтственности. „Мы видѣли,—говоритъ Дарвинъ,—что у дикарей, да вѣроятно и у первобытнаго человѣка, поступки считались хорошими или дурными лишь по тому, насколько они имѣли очевидное вліяніе на благосостояніе племени, а не вида и не отдѣльной личности этого племени. Это заключеніе вполнѣ согласуется съ мнѣніемъ, что такъ называемое нравственное чувство произошло изъ соціальныхъ инстинктовъ, такъ какъ и первое и послѣдніе первоначально относились исключительно (exclusively) къ данной общественной группѣ (community)“ *). Болѣе постоянныя соціальныя чувства съ развитіемъ общественности, усиливаясь привычкой и унаслѣдованіемъ, становятся настолько могущественными, что получаютъ преобладаніе надъ чувствами менѣе постоянными, хотя и болѣе острыми. При этомъ Дарвинъ очень тонко замѣчаетъ, что непосредственныя желанія вообще бываютъ сильны, но очень непродолжительны, и послѣ того какъ они пройдутъ, ихъ нельзя себѣ представить, умственно воспроизвести, между тѣмъ какъ дѣйствіе общественныхъ силъ, хотя и менѣе могущественныхъ, болѣе постоянно и прочно. Человѣкъ очевидно не можетъ избѣжать вліянія послѣднихъ и какъ членъ данной общественной группы или общества не можетъ не чувствовать, что такой-то поступокъ долженъ нарушить интересы этого общества, а такой-то гармонируетъ съ ними. Но съ другой стороны и неудовлетвореніе потребностей человѣка какъ существа живого, и раздробленность общества на отдѣльные классы, зачастую съ противоположными интересами, производитъ коллизію интересовъ отдѣльныхъ общественныхъ группъ, выражающуюся въ поступкахъ ихъ членовъ, нарушающихъ интересы общества какъ цѣлаго. Слѣдовательно, чѣмъ полнѣе удовлетворены потребности человѣка какъ существа живого, чѣмъ солидарнѣе интересы всѣхъ членовъ общества, тѣмъ меньше поводовъ для противообщественныхъ поступковъ его членовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ всего изложеннаго ясно, что по мѣрѣ развитія общественности и умственнаго кругозора развивается также и нравственность, и тѣ зачатки нравственнаго поведенія человѣка, которыми онъ удовлетворялся три, двѣ или одну тысячу лѣтъ тому назадъ,

*) «*Descent of Man*», Vol. I, p. 96—97.

уже не нетолько не удовлетворяютъ его, но иные изъ нихъ онъ считаетъ еще очень недостаточными, не отвѣчающими существующимъ условіямъ развитія общественности, а другіе въ его глазахъ являются просто безнравственными. Затѣмъ очевидно, что насажденіе нравственныхъ чувствъ безъ соотвѣтственнаго развитія общественности, есть просто nonsens..

Изъ всего этого видно, что изученіе біологическаго развитія человѣка какъ члена животнаго міра и какъ животнаго общественнаго, произведенное Дарвиномъ, и изученіе условій, при которыхъ осуществляется трудъ человѣка, которымъ обусловливается его жизнь, произведенное Марксомъ,—привело и того и другого мыслителя и ученаго къ одинаковому выводу.

По Дарвину социальные инстинкты, возникая подъ давленіемъ тѣхъ сторонъ общественной жизни, которыя способствуютъ благу данной общественной группы, содѣйствуютъ вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе широкому развитію общественности, а объединеніе многихъ общественныхъ группъ, вызываемое ихъ общими выгодами, еще болѣе способствуютъ развитію общественности и возникающаго на ея почвѣ нравственнаго чувства, а слѣдовательно, вмѣстѣ съ тѣмъ и общаго блага. Марксъ же, съ своей стороны, изучаетъ развитіе общественности, ведущей къ общему благу, подъ вліяніемъ развитія матеріальныхъ условій существованія человѣка, при чемъ указываетъ и на тѣ условія, которыя, обособляя различные общественные классы, тѣмъ самымъ препятствуютъ болѣе широкому развитію общественности; но указываетъ также и на тѣ способы, которыми устраняются условія, мѣшающія такому развитію общественности. Для того и для другого мыслителя развитіе общественности ведетъ къ общему благу, и, слѣдовательно, наоборотъ, всякое препятствіе развитію общественности есть въ тоже время препятствіе матеріальному, умственному и нравственному развитію и отдѣльнаго человѣка, и всего общества.

Такое замѣчательное совпаденіе результатовъ изслѣдованія общественныхъ отношеній двухъ ученыхъ и мыслителей, произведенное ими съ разныхъ точекъ зрѣнія, даетъ намъ право утверждать, что какъ бы временами ни казалась безпросвѣтною окружающая насъ тьма, какъ бы мало ни было, повидимому, надежды на дальнѣйшій поступательный ходъ общественнаго развитія, все-таки въ обществѣ, еще не совсѣмъ утратившемъ жизненныя силы и стремленія, условія его существованія неизбѣжно создадутъ такія вліянія, которыя заставятъ преодолѣть препятствія общественному развитію и темпъ его ускорится тѣмъ больше, чѣмъ больше онъ до того замедлялся.

Времена застоя въ общественной дѣятельности не обозначаютъ непремѣнно застоя въ умственной и научной дѣятельности отдѣльныхъ лицъ и остановки распространенія научныхъ знаній, которыя въ наше время такъ способствуютъ матеріальному,

умственному и нравственному развитію человѣчества. Развитіе и распространеніе знаній, относящихся къ неодушевленной и одушевленной природѣ, способствуютъ возможности развитія матеріальныхъ условій существованія человѣка, а, слѣдовательно, всего народа (безъ чего невозможно достигнуть хотя бы такъ необходимаго въ наши дни національнаго могущества), а развитіе и распространеніе общественныхъ знаній способствуетъ этой возможности обратиться въ дѣйствительность для большаго и большаго числа лицъ. Все это взятое вмѣстѣ расширяетъ умственный кругозоръ и, сближая людей, развиваетъ въ нихъ чувство общественности, а, слѣдовательно, повышаетъ нравственность *).

Приводя все это, мы имѣли главнымъ образомъ въ виду показать, ссылаясь на изслѣдованія такого авторитета, какъ Дарвинъ, что явленія высшаго порядка подчиняются своимъ особымъ законамъ, вызваннымъ особыми условіями своего происхожденія.

---

*) «Нѣкогда, — сказалъ между прочимъ Бертело въ своемъ отвѣтѣ на привѣтствія собравшихся ученыхъ и почитателей по случаю 50-тилѣтія его научной дѣятельности (24 ноября 1901 г.),—нѣкогда на ученыхъ смотрѣли какъ на небольшую группу любителей и праздныхъ людей, живущихъ на счетъ рабочихъ классовъ, занятіе которыхъ есть предметъ роскоши и чистаго любопытства ради забавы и развлеченія богачей. Такой предразсудокъ окончательно исчезъ, когда развитіе науки показало, что законы природы приложимы въ практической промышленности; а это имѣло слѣдствіемъ замѣну прежнихъ рутинныхъ и эмпирическихъ пріемовъ болѣе выгодными теоретическими правилами, основанными на наблюденіи и опытѣ.. Кто въ настоящее время отважится смотрѣть на науку, какъ на безполезную забаву, въ виду всеобщаго роста народнаго и частнаго богатства, какъ результата ея приложенія?.. Найдется-ли теперь хоть какой-нибудь государственный человѣкъ, который усомнился бы въ еще бо́льшихъ услугахъ, на которыя можно разсчитывать, какъ на слѣдствіе ея непрерывнаго процесса? Наука — это благодѣтельница человѣчества.. Изъ болѣе глубокаго познанія вселенной, а также человѣка какъ существа физическаго и нравственнаго, возникаетъ новое понятіе о человѣческой судьбѣ, подчиняющееся основнымъ идеямъ о человѣческой солидарности между всѣми общественными классами и всѣми народами. По мѣрѣ того, какъ узы, связывающія народы, усложняются и крѣпнутъ вмѣстѣ съ развитіемъ науки; по мѣрѣ того, какъ единство ученій, выводимыхъ наукою изъ наблюдаемыхъ ею фактовъ, налагается ею безъ всякаго насилія, но неослабно на всѣ убѣжденія.—эти идеи о всеобщей солидарности пріобрѣтаютъ возрастающее и все болѣе и болѣе непреодолимое значеніе. Онѣ стремятся стать чисто человѣческими основами нравственной жизни и политики будущаго. Подъ вліяніемъ науки, современная цивилизація идетъ все болѣе и болѣе быстрыми шагами.. Вслѣдствіе всего этого, роль ученыхъ, какъ отдѣльныхъ личностей и какъ общественнаго класса, постоянно возрастаетъ въ современномъ обществѣ». Горе и бѣдствія ожидаютъ тотъ народъ, среди котораго нѣтъ мѣста современной благодѣтельницѣ человѣчества—наукѣ... Причина нашихъ бѣдствій, —восклицаетъ Пастеръ, послѣ погрома Франціи въ 1870 году,—лежитъ въ пренебреженіи народнымъ образованіемъ!!... Мы несемъ наказаніе за пятидесятилѣтнее пренебрежніе наукой... Для великой націи не могло пройти безнаказаннымъ, что она допустила пониженіе своего умственнаго уровня».. (См. «Жизнь Пастера»; René Valery-Radot).

и въ то же время воздѣйствуютъ на явленія низшаго, менѣе сложнаго порядка. Хотя нѣкоторые дарвинисты, опираясь на теорію происхожденія видовъ путемъ естественнаго подбора наиболѣе приспособленныхъ къ борьбѣ за существованіе, пытаются построить *органическую* теорію общества,—въ которой самъ Дарвинъ рѣшительно не повиненъ, — но до сихъ поръ не нашелся ни одинъ изъ нихъ, который сталъ бы утверждать, что теорія Дарвина о происхожденіи общественныхъ инстинктовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ нравственнаго чувства и совѣсти у человѣка, противорѣчитъ его теоріи происхожденія видовъ подъ вліяніемъ борьбы за существованіе, такъ какъ послѣдняя подразумѣваетъ непрерывную борьбу, а первая какъ разъ указываетъ на смягченіе борьбы подъ вліяніемъ развитія чувства любви, симпатіи, общественности. То, чего не подумаютъ сдѣлать дарвинисты, какъ разъ дѣлаютъ въ аналогичномъ случаѣ „критическіе марксисты". Для нихъ совершенно непонятно, какимъ образомъ на явленія болѣе общаго порядка могутъ оказать вліяніе явленія иного, въ данный періодъ времени болѣе продолжительнаго, а, слѣдовательно, болѣе могущественнаго порядка, и въ этомъ видятъ противорѣчія въ самой теоріи...

Мы приходимъ, такимъ образомъ, къ заключенію, что расплодившаяся за послѣднее время критика основныхъ экономическихъ положеній Маркса основывается не столько на недостаткахъ и противорѣчіяхъ этого ученія, сколько на недостаткѣ пониманія какъ самого ученія, такъ и методологическихъ и научныхъ требованій со стороны критикующихъ это ученіе „марксистовъ".

Николай—онъ.

19416

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

Библиотека-Читальня
Ключевского
Рогожско-Симон. Района